

AVENUE DES
GÉANTS

Attention

МАРК
ДЮГЕН

Дорога
ВЕЛИКАНОВ

Masters of Modern Foreign Literature

Марк Дюген

Дорога великанов

«РИПОЛ Классик»

2012

Дюген М.

Дорога великанов / М. Дюген — «РИПОЛ Классик»,
2012 — (Masters of Modern Foreign Literature)

Главный герой Эл Кеннер – изверг и серийный убийца, у которого IQ выше, чем у Эйнштейна, а жажда крови сильнее, чем у вампира. Его жизнь – сплошная психологическая западня, череда неудавшихся отношений, мучительных схваток с самим собой и приступов холодной ярости. Всего в романе десять трупов, десять изуродованных тел, в том числе бабушка и дедушка главного героя, – их Эл Кеннер убил будучи ребенком. Кто же учинил расправу над остальными жертвами? Безумный маньяк-потрошитель? Или кто-то другой? Загадка личности Эдмунда Кемпера, реального человека, который всё еще здравствует на этой Земле, хоть и приговорен к трем срокам пожизненного заключения, превращает кровавый триллер Марка Дюгена в неординарную биографическую драму. Экшн для любителей «реалити-шоу» или психологическая беллетристика для интеллектуалов. Кажется, российский читатель нашел золотую жилу.

© Дюген М., 2012

© РИПОЛ Классик, 2012

Содержание

1	6
2	10
3	15
4	17
5	18
6	19
7	20
8	22
9	26
10	28
11	30
12	32
13	34
14	37
15	39
16	42
17	45
18	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Марк Дюген

Дорога великанов

Флорану, Элоизе, Роману Камилу и Эмманюэль – моему счастью.

Брюно Жанмару, психоаналитику и философу, моему самому старинному другу. Из наших вечерних дискуссий родилась эта книга.

«Быть – значит быть в тупике».

Чоран. «Четвертование»¹

Marc Dugain. Avenue des géants

© Editions GALLIMARD, Paris, 2012

Photo Catherine Hélie © Editions Gallimard

© ЗАО Фирма «Бертельсманн Медиа Москау АО», издание на русском языке, 2013

© Ася Петрова, перевод на русский язык, 2013

Все права защищены. Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства.

Cet ouvrage, publié dans le cadre du Programme d'aide à la publication Pouchkine, a bénéficié du soutien de l'Institut français.

Издание осуществлено в рамках программы содействия издательскому делу «Пушкин» при поддержке Французского института.

1

Каждый месяц повторяется одно и то же: она тяжело опускается перед ним на стул и отводит глаза. Достает из сумки книги, штук десять, по большей части в переплете. Он бросает на них беглый взгляд и кладет перед собой. Она улыбается уголком тонких губ, но в лицо ему не смотрит. Она делает так на протяжении долгих лет, стреляет глазами туда-сюда. Она часто опускает голову. Тогда он замечает, что пробор у нее на макушке с годами всё сильнее напоминает проплешину. У нее длинные волосы, и никогда непонятно, чистые или нет. Даже когда она моет голову, они кажутся засаленными. Наверное, в далеком прошлом она блистала: одутловатое лицо до сих пор хранит отпечаток былой красоты. Он, конечно, тоже порядком обрюзг, но у него на то есть веские причины. А вот у нее, может, и нет. Ему нравится эта женщина. Точнее, он решил, что она ему нравится, поскольку он ничего к ней не чувствует, ни ненависти, ни любви. Иногда легкое раздражение. Он злится на нее за то, что она единственная его навещает. Он сердится на нее из-за других, из-за тех, которые никогда к нему не приходят, – немного несправедливо, учитывая, что нет никаких «других». Он достаточно проницателен, поэтому давно заметил: она хочет ему что-то сказать. Но что? Он понятия не имеет. Он ощущает давление невысказанного слова. И робость здесь ни при чем. С ним она всегда неестественна. Она играет. Довольно неловко, и смысл ее слов часто не соответствует интонациям. Иногда он чувствует в ней искорку, иногда про себя отмечает потухший взгляд. У нее большие дряблые груди и шея в морщинах. Не слишком привлекательно даже для шестидесятилетней дамы. Однако он рад, что она его не заводит. Нельзя завести машину, в которой нет ни капли топлива.

– Вы разговаривали с газетчиками?

Она обдумывает ответ. Она всегда сначала обдумывает ответ, словно она в ответе за свой ответ.

– Да, с несколькими на побережье. Они за... как бы это сказать... заинтригованы, что ли. Они в раздумьях. Но, наверное, всё может получиться.

Она начинает вращать глазами. Когда она так делает, ему хочется проломить ей череп, но в глубине души он знает, что не сто́ит. А затем, пока она извиняющимся голосом выпускает изо рта, слишком маленького для такой головы, по одному слову, он начинает воображать, как разворачивалось бы действие, дай он волю эмоциям. В ней, наверное, течет индейская кровь. Не свежая, а унаследованная еще от тех самых предков, над которыми в начале века завершили расправу.

– Для них это немного рискованно... Понимаете?

– Вы имеете в виду литературную критику?

– Нет, что вы! Меня беспокоит не это. Скорее, статус вашей личности. Если они не расскажут, кто вы такой, на них могут потом посыпаться жалобы. С другой стороны, раскрыть вас – это скандал. Средства массовой информации с цепи сорвутся...

В ответ он совершенно некстати поддакивает, словно разговор его больше не интересует. Он всегда общался в такой манере, когда хотел взять верх над собеседником. Внезапно он спохватывается:

– Я за свою жизнь прочел немало рецензий. Не думаю, что я в чем-то уступаю современным критикам. С начала семидесятых я проглотил 3952 книги. Я не упускал ни единой детали, и не вам судить о моей внимательности. Итак, имею ли я право на собственную точку зрения? Думаю, да.

– Они сказали, что считают вас, скорее, критиком детективного жанра.

Он старается выглядеть спокойным, чтобы не пугать ее: она легко пугается.

– Чувствую запах победы. Скажите им, что детективы меня не интересуют. Слишком много общих мест, условностей и глупых загадок.

Несколько минут они молчат. Друг на друга не смотрят. В этой комнате глазу абсолютно не за что зацепиться, поэтому каждый собеседник разглядывает противоположную стенку. Его уже порядком достал разговор, однако он не хочет, чтобы она это почувствовала. Она не виновата. Внезапно он взрывается:

– Можете огласить им цифру: 3952 книги с семьдесят первого года по сегодняшний день. А если хотите их посмешить – скажите, что между днем своего рождения в сорок восьмом году и семьдесят первым годом я прочел одну книгу. Три раза. Угадайте, какую!

– Библию?

– Нет. «Преступление и наказание». Чертовски хорошая книга. Правда. Думаю, за всю историю литературы никто не написал ничего лучше.

В ее взгляде мелькнул вопрос: не шутка ли это? У нее красивый прямой нос и глаза удивительного оттенка. Но от нее веет страхом, как от покойника – смертью. Всеобъемлющим страхом бытия. Она маскирует страх духами с ароматом пачули: обманка для большинства – только не для него.

Он пересматривает книги, которые она принесла. Находит одну лишнюю.

– Это что? Детская книга?

– Просто предложение. Мы заметили, что нет записей для детей. А слепых детей больше, чем кажется.

– Вы это нарочно?

Она постепенно тает, как мороженое на солнце, и вытирает лоб тыльной стороной ладони. Она не понимает, о чем он.

– Вы, конечно, не знаете, что моя бабушка писала детские книги, – произносит он очень мягко, пытаясь ее успокоить: слишком уж она покраснела. – Но как вы себе представляете, чтобы я записывал компакт-диски для детей? С моим-то голосом! Надо быть в отчаянии, чтобы вообразить подобное. Кроме того, сложно поставить себя на место ребенка, когда у тебя самого детство отняли. Я не справлюсь.

Она реагирует мгновенно:

– Никто не читает так, как вы. Никто не может похвастаться столькими наградами. Издатель хочет именно вас, то есть... мы хотим именно вас.

Она думает, что льстит ему. Однако время наград для него прошло, даже если он ими гордится.

Он обещает ей попробовать: это ничего не стоит, и все будут довольны. Он любит компромиссы. Довольно глупо звучит, но компромиссы доставляют ему истинное удовольствие. Если бы каждый согласился пройти полпути, то конфликты исчезли бы с лица земли. Он часто и занудно повторяет это, как проповедь, своим парням. Как только в сознании блеснет мысль о компромиссе, насилие отступит. Даже если не собираешься проходить полпути, один шаг навстречу другому человеку – и жестокость побеждена. Он больше не хочет обсуждать затею с детскими книгами; он попробует, так уж и быть. Иначе у него возникло бы впечатление, что прошлое возвращается, а он отказался от прошлого навсегда.

– Хорошие критики понимают: если автор на цыпочках ходит вокруг да около интриги – это важнее самой интриги. Это подлинная литературная прогулка, путешествие. Если бы тысячи страниц печатались лишь ради того, что должно быть сказано, – какой в этом интерес? Я слышала столько гадостей в адрес людей, которые их совершенно не заслуживали! Мэри Маккарти и Генри Миллер², не способные глубоко проанализировать тексты Сэлинджера, писали

² Мэри Маккарти (Mary McCarthy, 1912–1989) – американская писательница. Генри Миллер (Henry Miller, 1891–1980) – американский писатель, скандально известный своими эротическими романами «Тропик Рака» (1934), «Тропик Козе-

о нем такую чушь, что порой я начинала сомневаться, так ли уж хороши их собственные произведения. Иногда я просто из себя выхожу! Не буду вам пересказывать всё, что я читала о Карвере. Конечно, теперь ему отвели место в «пантеоне» великих писателей, если вообще не похоронили в семейном склепе Чехова, но я помню, как все злословили по поводу его минимализма³. Слава пришла после смерти. Все предпочитают мумий живым людям. Ну и черт с ними: пускай делают, что хотят, но не рассчитывают на меня, когда дело касается детективов, ясно? Слабый, презираемый жанр. Ни один детектив не в состоянии правдоподобно представить жизнь.

Он говорит, не повышая голоса. Он редко повышает голос. Его гнев крепко-накрепко заперт в герметичной пуленепробиваемой голове. Когда он в гневе, никто об этом не знает.

– Но если вы совсем не хотите детских книг...

Он вроде бы согласился, так почему она возвращается к вопросу? Он встречал многих людей, не способных сделать шаг вперед без оглядки назад.

– Я вам сказал, что прочту.

Она кривит губы – жалкая улыбка. Смотрит на часы и пытается сбросить с себя его навязчивый взгляд. Она принимает его взгляд за дурное намерение, хотя на самом деле он просто устал таращиться в стенку за ее спиной.

– Когда увидимся?

Внезапно она кажется ему удовлетворенной.

– Через четыре недели.

Он мог бы запретить ей к нему приходить. Достаточно было бы предупредить администрацию. Она просто передавала бы ему книги. Разумеется, у него есть право на такое пожелание, но это чересчур. Иногда его одолевает глухая ярость: ведь вместо женщины он видит высокую даму с волосами, похожими на мокрые колосья. Он уверен, что она сидит на какой-то наркоте. Она из тех, кто за завтраком держат кофе в одной руке и сигаретку с марихуаной в другой, забывая поесть. Наверное, целыми днями глушит содовую и перекусывает гамбургером, вобравшим в себя весь жир со сковородки. С тех пор как она стала его навещать, то есть уже тридцать лет, он благодарен ей за то, что она не изливает душу, не говорит о личном. Он бы этого не вынес. Сложно объяснить, но его не отпускало чувство омерзения. Он согласился на профессиональные отношения, не более. На корню душит всякую фамильярность, она это знает. И ни разу не дала маху.

Пришло время покончить со скукой:

– Можете в следующий раз принести мне компакт-диск? Только скажу сразу: денег у меня нет.

Она счастлива доставить ему удовольствие и лихорадочно кивает.

– Значит, договорились, – он поднимается. – Скип Джеймс. Что получится. Мне особенно нужны «Crow Jane» и «I'd Rather Be the Devil»⁴.

Она обещает и тоже встает. С трудом. Вероятно, больным коленям сложно удержать такую тушу. Он поворачивается спиной, поднимает руку в знак прощания, опускает голову и выходит из комнаты, поправляя очки.

Уважаемый человек может иметь привилегии. Одна из его привилегий – самому забирать почту. Начальник с улыбкой вручает ему письмо. Он предпочел бы общаться только с такими людьми. У него ни дня без строчки. Вы не представляете себе, какое это удовольствие – вскрывать письма, будучи уверенным, что плохих новостей не будет. Он получает два вида

рога» (1939) и др.

³ Раймонд Карвер (Raymond Carver, 1938–1988) – американский поэт и новеллист, признанный мастер короткого рассказа. Критики часто сравнивали Р. Карвера с А. П. Чеховым именно с этой точки зрения.

⁴ Скип Джеймс (Skip James, 1902–1969) – выдающийся американский блюзмен и гитарист. «Crow Jane» и «I'd Rather Be the Devil» – названия песен Скипа Джеймса, записанных на пластинки в 78 оборотов (1931).

писем. Чаще всего благодарности от слушателей. Обычно слушатели пишут не сами, а диктуют родным. Они благодарят его за внимательное прочтение и даже сравнивают с профессионалами «Актерской студии»⁵. Он ценит комплименты, хотя и не любит актеров. Он не доверяет людям, чья работа состоит в том, чтобы притворяться кем-то другим. Рано или поздно они перестают понимать, кто они. Сопереживание ему не особенно свойственно, но ко внимающим ему слепцам он питает добрые чувства. Он воображает себе несчастье жить слепым в США – в стране, пейзажам которой нет равных в мире; к счастью, врожденная слепота не оставляет шансов на сожаление.

Помимо слепых, ему шлют письма поклонницы. Частенько очень соблазнительные. Они присылают свои фотографии – паспортные и даже во весь рост. Некоторые позируют обнаженными, переходя от эротики к самой похабной порнографии: половые органы крупным планом. Ему это кажется отвратительным. Нередко письма попадают безумные – он предпочитает не вспоминать о них: слишком грустный вырисовывается облик человечества. Авторши этих писем в его глазах подобны хищному воронью: зачарованное останками раздавленного дикого животного, оно слетелось, взгромоздилось на ограничители дорожного полотна шоссе и, уловив момент между двумя грузовиками, несущимися со скоростью ветра, жадно клюет мертвечину, боясь лишь одного – не успеть утолить свой голод.

Администрация никогда не проверяет его почту, поэтому фотографии до него добираются. Он складывает их на этажерку, но, как человек чести, никогда не разглядывает. Некоторые, впрочем, не доживают до этажерки: он рвет их сразу.

В самом начале нового тысячелетия, около десяти лет назад, одна женщина написала ему любовное письмо и попросила жениться на ней. Она приложила к письму свою фотографию скверного качества: черты лица правильные, о красоте речь не идет; сквозь уши, нос и язык продеты кольца, – всё это вызвало у него легкое недоумение. Фотографию он показал недавно прибывшему знакомому: тот заявил, что нынче люди прокалывают себе что ни попадя. Он подумал около получаса – и решился ответить загадочной женщине из города Рино⁶:

«Я не понимаю Вашего интереса к моей персоне. Я никогда не собирался жениться, и теперь хочу этого меньше, чем когда-либо. Судя по Вашей фотографии, Вы вульгарны, да еще и продырявили себе лицо почем зря. Не знаю и не хочу знать, что там диктует Вам Ваше больное сознание. Вам явно не хватает гармонии. Я уже не тот, что тридцать лет назад, впрочем, Вы и раньше оставили бы меня равнодушным. Отвечаю Вам в первый и в последний раз: мы живем в разных мирах, вбейте себе это в черепушку раз и навсегда».

Больше он о ней ничего не слышал.

⁵ «Актерская студия» (*Actors Studio*) – организация для профессиональных американских актеров, театральных режиссеров и драматургов. Существует с 1947 года на Манхэттене (Нью-Йорк).

⁶ Рино (Reno) – крупный город в предгорной долине на западе штата Невада.

2

В день, когда Ли Харви Освальд украл мою славу, невозможно было представить себе, что в этой части Сьерра-Невады⁷ ноябрь уже наступил. На ферме моих бабушки с дедушкой природа успела сбросить свои шикарные наряды, но деревья на холме напротив дома всё еще оставались зелеными. День начинался в точности как и всегда. Я дважды кончил и только потом встал с постели. Старый добрый рецепт, чтобы встретить новый день расслабленным и спокойным. Бабушка едва дала мне завершить процедуру, принялась вопить:

– Вставай! Вставай!

Затем, не постучавшись, она вошла в комнату. Я еле успел набросить одеяло. Нарочито любезным тоном она произнесла:

– Сегодня чертовски хорошая погода! Не стоит терять время в постели – лучше пойдешь погуляй.

Я не так разозлился, как в прошлый раз, – тогда мне хотелось убить нарушительницу покоя. Она ворвалась в комнату за две секунды до блаженства. Никогда не чувствовал подобной ярости. В результате я, конечно, встал, но чуть позже. Не помню, на выходных это случилось или в будний день. Впрочем, легко проверить: 22 ноября 1963 года – знаменательная дата⁸. За три дня до этого мы с бабушкой и дедушкой отмечали мой день рождения. Старуха приготовила торт, на вкус как холодная глина. Старик увлажнил глаза и вынул подарок: длинновольный винчестер «Генри-22»⁹.

– Поохотишься на кроликов и на кротов, – уточнил он, похлопывая меня по плечу. Его рука показалась мне очень старой и морщинистой, хотя ему стукнуло всего ничего: семьдесят один год.

Мой дед был достойным человеком, но мне он не нравился: перед бабкой он выглядел, как маленькая собачка. Она только и делала, что отдавала ему приказы, словно мальчику на побегушках, выдерживая, однако, любезную интонацию, чтобы не обидеть. И старик беспрекословно всё выполнял. Встречая мой презрительный взгляд, он опускал глаза и стыдливо улыбался, словно говоря: «Что еще я могу, кроме как повиноваться любимой?» По мне, так нет ничего хуже рабства!

– Это двадцать второй калибр, Эл, ты знаешь принцип. Стреляет далеко, пули проникают глубоко и быстро, но для крупной дичи диаметр маловат: птички будут сильно страдать.

Оставались кролики, кроты, может быть, зайцы. Бабушка тогда вскочила и, с интонацией превосходства в голосе, которую она в себе так пестовала, произнесла:

– Увижу, что убиваешь птичек, – отберу винтовку и брошу в огонь!

Черта с два, старая ведьма! Стрелять кроликов – полный отстой. Они сбиваются в стаю, жмутся к садовой ограде, думая, что отлично спрятались, а потом неспешно куда-нибудь топают друг за дружкой. Зато птицы, вне зависимости от вида, действительно пробуждают охотничий инстинкт. Заставить птицу спуститься с облаков – настоящий спорт. Хотя, конечно, если она неподвижно сидит на ветке, то дело дрянь, согласен.

Я удивился подарку. Бабушка его не одобряла якобы потому, что я не слишком прилежно учился в колледже. Но как я мог распорядиться своими способностями? Тесты показали, что у меня IQ выше, чем у Эйнштейна. Однако оценки мне ставили ниже среднего. Бабушка считала

⁷ Сьерра-Невада – крупный горный хребет, тянущийся по восточной части штата Калифорния параллельно тихоокеанскому побережью.

⁸ Имеется в виду день убийства президента США Джона Кеннеди.

⁹ Бенджамин Тайлер Генри (Benjamin Tyler Henry, 1821–1898) – американский оружейный мастер. Изобрел магазинную винтовку с рычажным механизмом перезарядки (1860), ставшую весьма популярной в годы Гражданской войны (1861–1865).

мое времяпрепровождение в колледже пустой тратой времени – а она терпеть не могла траты. Еще она терпеть не могла, когда оставляли еду на тарелке, свет в пустой комнате или капающий кран, а также, когда использовали слишком много туалетной бумаги и не были круглыми отличниками. Всё это приводило ее в состояние истерики.

Помимо детских книжек, больше всего бабушка любила рассказывать о своих гинекологических проблемах. Я, кстати, не читал ни одной из ее книг: ведь я уже вырос из ползунков, когда к ней приехал, кроме того, меня совершенно не интересовала ни ее писанина, ни ее иллюстрации. Думаю, книжки моей бабули – страшный вздор. А еще у нее в матке с угрожающим постоянством вырастали кисты, которые добрые врачи удаляли с помощью чудесного хирургического вмешательства. Она считала свои операции, словно медали и награды. Я ненавидел ее глупое самодовольное хвастовство: можно подумать, что кисты – смертельно опасное заболевание, а бабка – героиня, борющаяся за жизнь.

К винчестеру я не притронулся. Положил его среди учебников на столик у подножия кровати. Легкое оружие с черным матовым стволом. Оно влекло меня, но я не осмеливался к нему подступиться.

Утром 22 ноября я спустился к завтраку. Бабушка мыла раковину. Я чувствовал: она мысленно корит меня за то, что я не поднялся по ее первому зову. Минуту или две мы просто смотрели друг на друга. Затем она спросила о моих планах, так как день выдался свободный. Одноклассники участвовали в школьных соревнованиях по рафтингу, но я, как всегда, от этого отказался. Проснувшись не в духе, я чувствовал себя не только угнетенным, но и совершенно асексуальным, хотя обычно утренний стояк для меня норма.

– Почему бы тебе не поохотиться? Мне кролики разорили весь участок! – Предполагалось, что я должен хотеть доставить бабке удовольствие. Вскоре она прибавила: – Пять центов за крота, десять – за кролика.

Будто меня так легко подкупить.

Наш пес, тощий старый английский сеттер, от одной мысли об охоте завертел хвостом и запрыгал, забыв о ревматизме. Я поднялся в комнату и медленно, аккуратно зарядил винтовку пятнадцатью маленькими пулями, которые входили в отверстие под стволом. Затем я почистил зубы и вымыл подмышки, широким жестом плеснув холодной воды. Я надел военную куртку отца – единственную вещь, которой дорожил и которая делала меня не просто громиллой ростом до небес, а кем-то особенным.

Уже в пятнадцать лет я перегнал отца на восемь сантиметров, и мысль о том, что я рискую вымахать до двух метров двадцати сантиметров, меня не радовала. Я нагибался, чтобы выйти из комнаты, и куда бы ни отправился, все на меня оборачивались. Даже сидя, я был выше, чем мой школьный учитель, стоя, и взгляды, обращенные на меня, словно дивились неведомому чучелу. Иногда я мечтал превратиться в коротышку, чтобы меня обижали злые мальчики и жалели добросердечные девочки. Однако никто ко мне и близко не подходил, а девочки если и разглядывали, сдерживая смех, то лишь потому, что гадали, достоин ли мой член моего тела. Я не вру: однажды в коридоре на перемене я подслушал разговор.

Одноклассники всегда относились ко мне враждебно. Все считали меня странным загадочным человеком-горой посреди пустыни, и мои очки с толстыми стеклами, за которыми взгляд расплывался, как во сне, общению не способствовали. Программа колледжа казалась мне очень простой, и, глядя на то, как тупоголовые одноклассники пыхтят и потеют над элементарными уравнениями, я испытывал к ним глубокое презрение. Большинство парней и девочек жили только рафтингом. Что за интерес со страшной скоростью сплавляться по горной реке, рискуя переломать позвоночник или вообще умереть? Не понимаю.

Классный руководитель, господин Эбott, относился ко мне с таким же недоумением, как бабушка. Он считал, что я загублю свой талант. Однажды даже позвал меня к себе в кабинет на втором этаже, напоминавший то ли исследовательскую лабораторию, то ли логово холостяка.

Кажется, порой Эботт ночевал на работе, чтобы не возвращаться к жене. А она думала – у него любовница. Эботт, любовница, какая чушь! Слава богу, меня это не касалось. А касалось меня то, что парню моего роста сложно было примоститься в комнатухе Эботта.

– Кеннер, у вас IQ выше, чем у большинства школьников, а учитесь вы кое-как. Что с вами такое?

Вопрос был явно с подвохом и, на мой взгляд, не предполагал ответа.

– Не знаю.

– Вы представляете, каких вершин могли бы добиться при желании? Скажите, чем бы вы хотели заниматься в будущем?

– В будущем?

Я впервые за долгое время улыбнулся и поправил на носу квадратные очки: всегда так делаю, перед тем как заговорить.

– Я никогда не думал о будущем, господин Эботт. Что-то внутри подсказывает мне, что нет никакого будущего.

– Но ведь у вас есть какие-то желания, Кеннер?

– Желания?

Я отвечал с трудом. Не на вопрос, а учителю. Недоносок в несвежей бабочке, который спит в кабинете, прячась от жены, не смел ни спрашивать о моих проблемах, ни тем более их решать.

– Господин Эботт, вы не тот, с кем я стану обсуждать, что мне делать или чего не делать. Он поправил бабочку.

– Отчего же, Кеннер?

Я пристально на него смотрел, ничего не говоря и не двигаясь с места. Он стал переминаясь с ноги на ногу, и выражение его лица делалось всё кислее. Мой торс загораживал ему проход к двери; я давил на учителя своим молчанием, своим оцепенением. Когда Эботт начал потеть, я решил, что с него достаточно, поднялся и вышел из кабинета. Больше Эботт никогда не заговаривал со мной о моем будущем. Думаю, он заключил пакт с другими учителями, поскольку никто из них ни разу не пытался поднять эту тему.

Кому я мог рассказать о тоске, переполнявшей меня с утра до вечера, связывавшей волю в узел, обрекавшей любое действие на провал? За два года в Норт-Форке¹⁰ я не завел ни одного друга. Я ни с кем не хотел общаться, и, наверное, это было заметно: меня предусмотрительно избегали. Я знал, что обо мне ходили разные слухи, но ничего не мог поделать. Я плевал на чужое мнение, на сплетни, на маленькие бесславные жизни, которые множились, цвели и пахли в городке, горделиво именовавшем себя «пуп Калифорнии». Началась война во Вьетнаме. Я с удовольствием пошел бы в армию, последовав примеру отца, заслуженного бойца времен Второй мировой. Однако я питал животную ненависть к физическому насилию. Всякий раз, когда в колледже случалась драка, я благодарил Господа за то, что нахожусь в стороне. Я бы сдрейфил перед любым парнем, готовым меня укокошить.

С миром женщин, свободным пространством, зоной произвола меня связывали лишь фантазии. В своем воображении я делал с девушками, что хотел, и никто не говорил мне ни слова. Фантазии управляют миром. Большинство людей, занимающихся сексом, представляют себе совсем не тех, кем обладают. Свои мечты я воспринимал как область превосходства над миром. В них я избивал женщин – всех: училок и школьниц, красавиц и дурнушек; я заводил, возбуждал их до градуса классного кальядоса и доставлял им наслаждение, которого они не знали ни с кем из смертных. Во взглядах этих воображаемых сучек я читал смущение: слишком долго я имел их, до изнеможения, до судорог. Мне хватало фантазий. Я никогда даже не

¹⁰ Норт-Форк (North Fork) – маленький город в центральной части штата Калифорния. Расположен у подножия гор Сьерра-Невады, близ Национального парка Йосемити.

рассматривал возможности переспать с реальной девушкой – не только потому, что никто из них не согласился бы, но и, к несчастью, из-за неминуемой утраты контроля над ситуацией. В моих фантазиях всё было под контролем – но кто знал, что могло произойти на самом деле?

С Эвой Пинцер склеилось как-то само собой. Что-то связывало нас с самого начала. Она тоже была великаншей – не такой, как я, но выше метра восьмидесяти пяти: для девушки такой рост большая редкость. Три месяца мы не решались друг с другом заговорить. Хотя в коридорах над головами школьников я видел только Эву, а Эва – только меня. Я никогда не сделал бы первого шага – она тоже. Иногда мы обменивались участливыми улыбками.

Я заговорил первым только потому, что родители подарили Эве старый темно-синий «Додж»¹¹: она жила далеко от Норт-Форка – школьный автобус туда не ходил. От конечной остановки Эва шла еще почти шесть с половиной километров по асфальту и по тропинкам – до поселка бывших искателей золота, где со времен процветания и достатка сохранился примерно каждый пятый дом. Это я узнал из первого разговора с Эвой. Выходя из колледжа, мы оказались буквально стиснутыми в толпе школьников, и она ко мне обратилась. Она не отличалась ни красотой, ни особенным уродством, в общем, мне подходила. У нее был длинный нос и слишком большой размер обуви, но в целом она выглядела достаточно женственной.

Ненавижу мужеподобных телок. Сталкиваясь с ними, я чувствую еще большее омерзение, чем при виде женоподобного мужика. Мужеподобные женщины вызывают у меня панический страх.

Эву родители называли в честь Эвы Гарднер; как и я, она носила немецкую фамилию. Еще один пункт в нашу пользу, впрочем, мы на это плевать хотели. Я не слишком много знал о своих корнях, она о своих – тоже. Копаться в прошлом для Эвы значило выяснять, почему родители застряли в такой дыре. Ей не очень хотелось анализировать причины чужих поражений. Я помнил, что во время войны, до того, как мой отец ушел сражаться, его бесконечно допрашивали насчет происхождения. Он этому не особенно радовался, тем более что в шестидесятые немногие любили Германию. Меня не заботила немецкая фамилия – от меня и до войны люди шарахались.

А вот родители Эвы сразу меня оценили: наверное, я выглядел защитником, великаном-борцом; кроме того, Эва рядом со мной казалась миниатюрной и женственной. Ее родители мне понравились. Отец только что вышел на пенсию после многих лет работы в лесном ведомстве, мать напоминала монашку. Вокруг дома они разбили сад-огород, что позволяло им самим себя кормить, по крайней мере, частично. Несколько раз они приглашали меня на ужин, но я отказывался. Я знал, что они верующие и молитва перед едой иногда занимает не один час, – в те времена я не терпел подобных глупостей. Я отнюдь не считал себя атеистом, но не выносил ни разговоров о Боге, ни вмешательства в мое личное пространство: это казалось мне непристойным.

Эва со мной соглашалась. Она жила без видимой цели. Ничто ее особенно не увлекало. Она ненавидела спорт, но с удовольствием подолгу гуляла на природе, среди холмов, поросших травой и хвойными деревьями, за которыми прятались медведи и олени. Мы болтали о всякой ерунде, и мне это было по душе. Она держалась просто – не то что самовлюбленные девчонки, то и дело зудящие о конкурсах красоты. Она часто отвозила меня домой на машине, и, в отличие от ее родителей, внимательных ко мне, моя бабушка едва кивала ей головой, презрительно и равнодушно. Моя бабушка вообще не любезничала с людьми и вовсе обходила стороной женщин, если только не сгорала от любопытства. Мы с Эвой наслаждались одиночеством и жизнью без будущего.

Дружить с Эвой я перестал неожиданно, за неделю до памятного 22 ноября. Мы отправились на прогулку, но чувствовал я себя нехорошо: голова гудела, и я не мог наслаждаться при-

¹¹ «Додж» (*Dodge*) – американский автомобиль производства компании «Крайслер». Выпускается с 1914 года.

родой. Начался дождь, внезапный и сильный; он бил по пыльной земле, иссушенной осенним солнцем. Мы укрылись в деревянной хижине, служившей, вероятно, пристанищем для искателей золота прошлого века. Дверные створки ходили ходуном. Внутри было дико, но чисто. У одного из окон стояло сиденье лимузина. В углу красовался стол из досок.

Мы присели. Через какое-то время Эва положила руку мне на бедро. Я не знал, как реагировать. Видя, что я неподвижен как истукан, Эва продвинула руку ближе к моему паху и подставила губы для поцелуя – всё в правильном порядке. Я не мог ее поцеловать. Я послушно терпел ее ласки. Но – ничего. Совсем. Она предложила раздеться, я счел идею нелепой. Позволил ей расстегнуть ширинку и вытащить пенис. Она взяла его в руку, словно малиновку, разбившуюся об оконное стекло. Птица не оживала, связь между моим телом и духом словно прервалась. Молча она долго смотрела на мое бессилие. Я хотел заплакать, но гордость не позволяла.

Я аккуратно отстранил ее руку, застегнул ширинку и покинул хижину. Мы спустились по горе, не сказав друг другу ни слова. Перед домом ее родителей я помахал ей рукой и пошел прочь. Мне хотелось биться головой о деревья, которые высились вдоль дороги. Я вдруг понял, что реальность мне недоступна, и я не представлял себе почему. В течение недели, отделявшей нас от 22 ноября, я старательно избегал Эву в колледже.

3

Я зарядил винтовку и надел сапоги, но всё еще не знал, хочу ли охотиться. Наш старый пес пританцовывал перед дверью, постукивая когтями по полу, и я понимал, что скоро крикливая старуха прибежит с воплями: мол, нельзя впускать собаку в дом – как будто я впускаю. Я спустился по лестнице в сопровождении пса, который дважды чуть не навернулся на гладких, натертых до блеска ступенях. Я не верил в то, что детский иллюстратор и писатель может быть таким маньяком. По-моему, люди, одержимые уборкой, просто не способны навести порядок у себя в головах. И уж конечно, настоящих писателей не заботит видимая чистота. Я вышел из дому без предупреждения, за мной по пятам вразвалочку топала собака.

Ни дуновения ветерка на моем пути, шаги отзывались эхом. Я брел вдоль бабушкиного огорода. Земля выглядела черной, рыхлой и влажной. На грядках сидели три кролика. Я заметил их прежде, чем собака. Надо сказать, запахок еще тот. Я дважды прицелился, но не выстрелил. Не из жалости – просто не хотел угождать бабуле. На сарай опустилась птичка, похожая на снегиря. Я прицелился и выстрелил, но ничего не увидел. Не знаю, убил ли я птицу. Просто почувствовал вдруг ту самую ярость, которая настигла и не покидала меня, с тех пор как я приехал сюда четыре месяца назад и увидел черную, мягкую, жирную засеянную почву.

Я подумал об отце, и слезы тотчас навернулись на глаза. Вспомнился единственный счастливый момент в моей жизни, когда я добирался из Хелены¹², где жила мать, к отцу в Лос-Анджелес. Я проделал весь путь автостопом, и сердце у меня замирало в ожидании земли обетованной. Я часами катил по дороге в компании крепких парней. С притворным интересом слушал их истории и поддакивал. Иногда подолгу простаивал в пустынных местах с протянутой рукой: эй, водилы, подбросьте меня! Внезапно мне вспомнился один из самых отвратительных моментов в моей жизни – я говорю *один из*, потому что их было достаточно.

Отец появился на пороге моей комнаты в маленьком деревянном выцветшем домике, окруженном садом и расположенном прямо у самой оживленной автотрассы Лос-Анджелеса, ведущей куда угодно – и никуда. Слышимость меня поражала, но я успел привыкнуть к страшному грохоту: это я-то – уроженец штата, где малейший шум считался оскорблением Творца. Лето начинало утомлять людей. И хотя жара и загазованный воздух угнетали астматиков, меня климат очень даже устраивал. Я еще не раздвинул занавески, а солнце уже упрямо просачивалось сквозь невидимые зазоры. Чем займусь днем, я точно не знал. Я проснулся с похмельем, поскольку накануне чуток выпил, и выглянул на кухню, чтобы утолить жажду и успокоить изжогу. Я взял из пакета горсть овсяных хлопьев. Проверил, есть ли кофе в кофеварке. Нет. А самому варить лень. Я вернулся в комнату. Дом казался пустым. Обычно, когда отец со своей новой женой куда-то уходил, он меня предупреждал. Я в принципе не интересовался их планами, но привык знать, где они и когда придут.

Вдруг все исчезли – и мне это не понравилось: я почувствовал себя нехорошо. Решил, что меня бросили, как собачонку, которая утомила хозяев. Видимо, пьянка накануне вечером сыграла свою роль и усилила мою тревогу. Я поспешил в спальню отца. Даже не подумал постучаться и оказался нос к носу с папиной супругой. Она стояла перед зеркалом. Спиной ко мне. Обнаженная. Ее светло-серебристые волосы ниспадали на худые плечи. Немыслимые изгибы бедер, еще не загубленных целлюлитом, который виднелся кое-где на ногах, меня буквально заворожили. Я не страдаю ностальгией, но, вспоминая тот момент, не могу не признаться себе в том, что смотрел на голую женщину первый и последний раз в жизни. В зеркале я видел ее лицо, хотя одновременно внимательно разглядывал грудь. От удивления глаза у нее вылезли на лоб – и я захлопнул дверь, прежде чем она успела открыть рот. Наверное, я долго пялился

¹² Хелена (Helena) – столица штата Монтана.

на папину жену, иначе он потом не устроил бы скандала. Отец утверждал, что дело не только в досадном недоразумении; по его словам, якобы супругу пугало мое тяжелое молчание, и она чувствовала себя в опасности, находясь со мной в одном доме.

– В какой еще опасности? – спросил я.

– Не знаю. В опасности. Ты не можешь здесь больше оставаться, понятно?

Мне было понятно и кое-что другое – то, о чем мы не хотели говорить; то, о чем я не смел говорить, не желая расстраивать отца. Он боялся существовать бок о бок, под одной крышей, с единственным свидетелем пыток, на которые его обрекала моя мать. Он боялся, что я всё расскажу его новой жене, и она изменит о нем мнение, перестанет воспринимать его как мужчину. Но я никогда не подвел бы отца.

– Мне здесь хорошо.

– Я этого не вижу, Эл. Нет, правда, ты не можешь здесь оставаться.

Я знал, что отец не передумает, и не хотел с ним ссориться, это не в нашем стиле. Конечно, он не планировал проститься со мной навсегда, но я чувствовал, что этот месяц для нас последний.

Когда мачеха отправилась к парикмахеру, отец позвонил матери. Он выглядел бледным, мышцы его лица нервно подергивались. Я понял, что мать не хочет брать меня к себе, и обрадовался. Лучше скитаться, чем возвратиться в Монтану. В результате родители договорились отправить меня к бабушке с дедушкой в Сьерра-Неваду. Забавно, что всякий раз, когда мои родители о чем-то договаривались, за этим следовала катастрофа.

4

Я положил винчестер рядом с собой в гостиной, снял сапоги и взял голову в руки. Я не дрожал, но мне казалось, что дрожу. Я странно себя чувствовал. Я совершил огромную глупость – одну из тех, которую непременно совершают в подростковом возрасте – в возрасте флирта с миром и с его гранями. Так я думаю сейчас – тогда я так не думал, тогда я вообще ни о чем не думал. Вдруг стало холодно: своим пышным телом бабка закрыла обогреватель. Я хотел увеличить температуру, но тогда пришлось бы потревожить старуху – а я этого не желал.

Я включил телевизор и решил, пока в комнате холодно, совершить набег на кухню. Опустошил полки, забрал всё готовое, всё съестное и упаковку пива впридачу. Пиво я точно заслужил. Мои шаги звучали странно: прежде я этого не замечал. Я открыл бутылку зубами (видел такое в кино) и разлегся на диване, свешиваясь с него по обе стороны.

Вскоре я поднялся, чтобы сделать телевизор погромче: стреляли в президента США. То факт, что какой-то парень позволил себе подобную роскошь, показалось мне просто невероятным. В новостях упоминался только один стрелок. Я не мог в это поверить. Неужели простой парень вдруг почувствовал в себе такие силы, что решил: «Сегодня я прикончу президента США»? Думаю, тысячи людей желали ему смерти, но осмелился только этот парень – и получилось только у него. Удивительно! Я пока не знал, насколько план удался: президент еще не умер от тяжелых ранений.

Я позеленел от зависти: этот парень украл мою славу! По крайней мере, местные газетки должны были в тот день писать только обо мне. Как такое могло произойти? Я увлеченно следил за специальными корреспондентами и за лентой новостей, опустошая одну бутылку за другой. После шестой я решил, что убийство Кеннеди мне на руку: может, благодаря ему меня не станут сильно осуждать или вообще обойдут вниманием.

Постепенно во мне назревал чудовищный страх.

5

Отказавшись стрелять кроликов, я покинул ферму и направился к большой дороге. Выйдя за пределы огорода, я услышал бабушкин вопль. Он словно током меня ударил. Я приблизился к соседской ограде, за ней красовалась пегая лошадь с прекрасной гривой и мускулистым крупом. Я прицелился – просто ради удовольствия. Затем поднялся на холм, запыхался. Бабушка всё еще кричала, и голос ее раздавался эхом.

В те времена я весил не больше ста двадцати килограммов, но чувствовал тяжесть. За мной, высунув язык, бежала собака. Я достиг вершины, где ничто не нарушало моего покоя, и откуда не было видно домов. Сел и прислонился к высокой сосне. Дул западный ветер. Внезапно голос ненавистной старухи вонзился в мое сердце. Собака разлеглась чуть поодаль. Она никогда не ластилась ко мне. Смотрела на меня стеклянными глазами. Я хотел ощутить гармонию, но даже на просторе чувствовал себя запертым в четырех стенах, и при мысли об этом в голове поднимался ураган, похлеще, чем бывают в Алабаме.

Около получаса я сидел под деревом, ждал, пока злость утихнет, бросал собаке палки, которые она не собиралась приносить. Я спустился по другой тропинке, более длинной и менее крутой. Я всегда нетвердо стоял на ногах – наверное, слишком быстро рос – и боялся что-нибудь вывихнуть. Ровной дорога стала лишь на подходе к дому. Глядя на него издали, я думал, что многие мечтали бы жить именно там, недалеко от живописного озера, в нескольких километрах от Йосемити¹³, куда я ни разу не ездил.

На расстоянии около ста метров от дома я заметил бабушкин силуэт. Старуха стояла у окна своей комнаты, спиной ко мне и к солнцу. Она согнулась над мольбертом. Что она рисовала? Думаю, очередную иллюстрацию для детской книжки. Впрочем, иногда она рисовала и для себя. Как правило, природу. Я не понимал зачем. Однажды я сказал ей, что не понимаю, – она обиделась.

Я направился к ней, пустая голова звенела. Я не хотел видеть ведьму вблизи; чувствовал досаду, но не более. Мне оставалось около двадцати метров. Наверняка она слышала, как я в сапогах ступаю по сухой земле. Она не обернулась. «Обернись! Ну же, обернись!» – повторял я про себя. Почему я хотел, чтобы она обернулась? Я не знал. В моей голове юркой птичкой промелькнула мысль: «Интересно, что чувствуешь, убивая свою бабулю?». Подросткам часто приходят в голову безумные мысли, только вот действовать у них кишка тонка.

Стоя примерно в десяти метрах от бабули, я выждал какое-то время, поднял винтовку, замедлил шаг. Бабуля не поворачивалась, хотя скорее всего узнала мою поступь, тяжелую и уверенную: ее ни с чем не спутаешь. Я прицелился и выстрелил бабушке в затылок. Она упала на мольберт, мольберт – на землю. Я подошел к ней. Она лежала на животе и выглядела глупо, гротескно. Умерла она, конечно, сразу. Я не ненавидел ее до такой степени, чтобы заставить страдать, и на всякий случай дважды выстрелил ей в спину – туда, где сердце. Чтобы уж наверняка.

Я оставил бабулю на глазах у изумленной собаки. Вошел в дом. Теперь некому на меня орать: «Сними сапоги и надень тапочки!»

¹³ Йосемити (Yosemite) – национальный парк в штате Калифорния.

6

Когда Кеннеди скончался, я не знал, что думать. Парень, который убил президента, здорово преуспел и затмил меня, хоть это и не помешало мне наслаждаться собственным триумфом всю вторую половину дня.

Вскоре я ощутил смятение. Я думал сбежать, но знал, что далеко не уйду. Парень вроде меня, ростом больше двух метров, не останется незамеченным. Я хотел взять дедушкину машину, но эта развалюха с кузовом жрала бензин, как новорожденный теленок молоко, а у меня не было денег. Я обшарил весь дом. Развлекался, воображая себя в роли бабушки с дедушкой и гадая, где они заныкали добро. Старикан не особо верил банкам, чтобы хранить там все сбережения. Где-то между лесным ведомством и фермой, разумеется, нашлось местечко для тайника.

Я начал с бумажника в кармане куртки. Чувствовал себя при этом не в своей тарелке. Когда дедушка вернулся домой, я понял, что передо мной дилемма. Либо я позволю ему увидеть бабушкин труп и потерплю соответствующее наказание, либо казнь старика. Я знаю, что через пару месяцев он возрадовался бы чудесному освобождению, но, подобно многим рабам, дед любил свои оковы.

Пока машина подъезжала к дому, я окончательно утвердился в мысли, что причинять дедушке боль для меня невыносимо. Я видел, как старик со своим фирменным гордым видом подъезжает к дому. Он махнул мне рукой – мол, рад тебя видеть – и чуть снизил скорость, чтобы вписаться в ворота гаража.

Припарковавшись, он вышел из машины, потянулся, сделал несколько шагов и открыл багажник. Хотел обернуться и попросить меня помочь ему, но я предупредил его действие: дважды выстрелил деду в спину. И вдруг вспомнил его слова: «Аккуратнее, Эл, не стреляй в крупную дичь: калибр маловат, птички будут страдать; разве что попадешь в голову». Он упал на колени, головой в багажник. Я всадил ему две пули в череп. Готов.

Я покинул гараж, чтобы успокоиться. Если убийство бабушки притупило мою ярость, то убийство старика, напротив, выбило меня из колеи. Вдруг появилась собака, словно специально отвлекая меня от мрачных мыслей. Что с ней станет? Эта бедная кляча слишком стара. Пес понюхал дедушкино тело, подозрительно на меня посмотрел и лег на цементный пол гаража. Я снова задумался о том, что делать с собакой, а затем воскликнул:

– Черт возьми, Бобби, не могу я совладать с мирозданием!

Я надеялся на отблеск понимания в его глазах. Но нет. Ничего. И я пошел прочь.

7

Дедушка начинал коченеть, когда я решил вывернуть ему карманы. Купюр из его кошелька должно было хватить дня на три-четыре, плюс в багажнике оставалась куча еды. В основном нескоропортящиеся продукты – редкое везение. Но я не мог заставить себя вытереть с машины капли крови. Не из отвращения – скорее, из суеверия.

Дедушкин труп я оттащил в сторону. Раньше никогда не прижимал старика к себе, и теперь по спине у меня бегали мурашки. Я аккуратно расстелил красное с зеленым одеяло в шотландскую клетку, на которое дедушка ложился, когда чинил машину, и перенес тело.

Я продолжил обыскивать дом. Вскоре до меня дошло, что лучшее место для хранения денег – туалет на улице: бабушка с дедушкой так и не накопили на удобства. Я нашел бабло в железной коробке, прямо в бачке унитаза. Маленькие хорошенькие связки купюр, с которыми можно весело смотреть в будущее. Мысль о том, что я способен украсть деньги и кто-нибудь сочтет меня подонком, прикончившим бабушку с дедушкой ради наживы, заставила меня содрогнуться. Сильнее всего я переживал по этому поводу.

Я вернулся в дом и, взяв справочник, отыскал телефон местного полицейского участка. Секунду поколебавшись, набрал номер. Ответила женщина. Я попросил шерифа.

– По какому вопросу?

– По личному.

– Не думаю, что у шерифа есть на тебя время, мой мальчик. Ты ведь знаешь: убили президента США!

– Неужели вы думаете, что убийца решил спрятаться в этой дыре? – спросил я.

– Как ты можешь такое говорить! Как можно не гордиться своим родным краем? Продолжай в том же духе, мой мальчик, и ты плохо кончишь! – Не знаю, с кем я говорил, и что именно эта женщина делала в полиции, но мое неуважение к нашему адскому уголку странным образом ее обидело. – Что тебе нужно?

– Вы могли бы попросить шерифа мне перезвонить?

– Как тебя зовут?

– Эл Кеннер.

– Как пишется?

– Ка, Е, два Эн, Е, Эр.

– Откуда звонишь?

– С фермы Вулф-Крик, в одиннадцати километрах к северу от Норт-Форка.

– Шериф тебя знает?

– Должен помнить.

Я был уверен, что шериф меня помнит. У дедушки в прикроватной тумбочке хранился пистолет сорок пятого калибра. Я это знал, и бабушка знала, что я знаю. Когда она уходила в магазин, она клала пистолет в сумку, чтобы я не соблазнился его опробовать. Поэтому однажды я позвонил шерифу и сказал: «Хочу сообщить, что шестидесятипятилетняя старушка с пистолетом в сумке мчится в сторону Норт-Форка на старом «Форде» пятьдесят девятого года. – И для пушного эффекта прибавил: – Если вы ее не остановите, последствия могут быть ужасны: я вас предупредил. Внуку ли не знать бабулиных планов».

В результате на подъезде к автостоянке, около банка, старушеницу окружило шесть полицейских машин. Бабулю прижали носом к капоту, заломили ей руки и забрали в участок. Она долго объяснялась, прежде чем ее отпустили. И, кстати, копы меня не выдали: они любят делать вид, что информаторы им не нужны. Бабуля меня подозревала, но я отпирался: откуда, мол, у меня время заниматься такими глупостями?

– Так чего ты хочешь?

– Хочу сказать шерифу, что убил своих бабушку с дедушкой.

– Я ему передам.

Она повесила трубку: решила, я пошутил. В день убийства президента США сложно убедить людей в том, что ты кого-то прикончил. Даже если преступник справился с президентом в одиночку, он мог действовать от имени коммунистов. Возможно, женщина из полиции теперь боялась ядерной войны и беспокоилась о том, как спасти собственную задницу, а не о стариках, которые в любом случае скоро окочурились бы.

Несмотря ни на что, я признался – бросил в море бутылку – и чувствовал себя уже лучше.

8

Теперь я собирался налегке отправиться в путь по широким дорогам Америки. Я собрал вещи. Не глядя на бабушку, перетащил ее за ноги в дом. Она окоченела и стала твердой, как ствол дерева. Я загрузил вещи в машину, сложил все свои рубашки в одну небольшую сумку. Захватил пиво и две бутылки виски – на случай, если выдастся холодная ночь. Загребал походную газовую плитку, кастрюли, чтобы не питаться одним фастфудом, одеяла и старый отцовский спальный мешок времен войны. Я был готов. Не забыл ни мыло, ни зубную щетку, ни туалетную бумагу. Выехал из гаража, открыл окна.

Через девять метров пришлось повернуть назад. Я вспомнил, что оставил в доме винтовку: плохая, очень плохая идея!

Вновь покинув дом и проехав примерно восемьсот метров, я почувствовал в салоне знакомый запах: через открытую дверцу в машину забралась собака. Сначала я хотел отвезти ее обратно, но потом решил бросить где-нибудь по дороге.

Южный ветер поднимал пыль. Я включил дворники. Природа стискивала меня в своих объятиях. На перекрестке я повернул на север с единственной мыслью: пересечь границу как можно быстрее, воспользоваться всеобщим смятением и тихонечко улизнуть. Если придерживаться северного направления, то приедешь в Канаду. Разумеется, от Сьерра-Невады ближе всего Мексика, но я не говорил по-испански, да и сама страна меня не слишком привлекала. Судя по вестернам, все мужчины в Мексике развратные и жестокие, а женщины только и делают, что позволяют себя насиловать или прислуживают на кухне пьяным тупым ханыгам. Плюс Канады в том, что там говорят по-английски. Первые пятнадцать лет своей жизни я провел в приграничном штате, в Монтане, так что в Канаде окажусь почти дома, хоть никогда и не любил его. На востоке меньше риск попасться. Но сначала надо пройти горы, а в это время года там можно превратиться в снеговика. Если пересечь горы, то окажешься в Неваде, тоже не отличающейся мягким климатом. Я не испытывал ни малейшего желания застрять в пустыне из-за нехватки бензина и умереть от жажды.

Итак, я решил ехать на северо-запад, к океану: суровая зимняя погода там не столь ощутима. В голове у меня уже возник план действий: продать машину-развалюху, отложить большую часть денег на побег, а на оставшиеся купить мотоцикл. Я предвкушал веселое путешествие. Чувствовал себя не беглецом, а, скорее, парнем, который хочет как следует оторваться на своих последних каникулах, прежде чем наступит не слишком приятный трудовой год. Я даже ни разу не подумал о том, что могу выйти сухим из воды. Просто мечтал сделать последний глоток воздуха перед тюрьмой, а может, и перед казнью: в те времена на электрическом стуле подыхало столько же людей, сколько летним вечером – комаров на галогеновой лампочке, пока по телевизору показывают детектив¹⁴. Несовершеннолетних обычно не казнили, но, учитывая длительность судебного процесса, к моменту вынесения вердикта перед присяжными мог оказаться уже вовсе не подросток¹⁵.

Так я думаю сейчас, тогда мои мысли путались. Меня всегда преследовали два страха: страх физического насилия, которое мне с моими габаритами вряд ли грозило, и страх себя самого, отравивший мою собачью жизнь от начала до конца. Всё, мною совершенное, имело свои причины. И бояться последствий не было никакого смысла.

¹⁴ Рассказчик преувеличивает: на самом деле в США тогда казнили едва ли больше восьмидесяти человек в год (это примерно в пять раз меньше, чем в те же годы в СССР).

¹⁵ Полный мораторий на смертную казнь действовал в США только десять лет (1967–1977); до и после этого детей в США казнили на законных основаниях наравне со взрослыми. Смертная казнь несовершеннолетних младше 16 лет отменена в 1989 году, младше 18 лет – в 2005-м.

По радио говорили лишь об убийстве президента. Моего героя вычислили. Супермен, замочив Кеннеди, отправился в кино. Какая самоуверенность! Парень подстрелил президента, преспокойно выкурил сигаретку, а затем развалился в красном бархатном кресле в ожидании того, как Хамфри Богарт¹⁶ разделается с парнем в два раза крупнее себя, а парень, конечно, не посмеет взбрыкнуть, ведь перед ним Хамфри Богарт. На выходе из кинотеатра полицейский остановил убийцу, и тот, недолго думая, выстрелил в мужика, прямо как в комиксе, где мертвые никогда не выглядят мертвыми. В итоге преступника все-таки прижучили. Парень явно работал на красных, но убийство президента было якобы его собственной затеей¹⁷.

Я гнал по дороге до двух часов ночи и остановился в Маунт-Шасте¹⁸, на берегу озера. Я не увидел ни заграждений, ни полицейских машин. Если мой звонок действительно приняли за шутку, то выходные пройдут спокойно. Бабушка своим дурным характером отпугнула всех вокруг, так что гости к нам толпой не рвались. Старуха даже велела дедушке установить почтовый ящик подальше от дома, у дороги, чтобы почтальон не совал свой нос в чужие дела. Помимо посылок и срочных писем, требовавших подписи, ничто не понуждало почтальона нарушать границы.

Так или иначе, я опустил шлагбаум в знак того, что посетители нежелательны. Лег спать, опустив заднее сиденье, свернулся калачиком и выгнал собаку на улицу, чтобы не проснуться от тошнотворного запаха псины. От усталости я вырубился почти сразу. Перед глазами мелькали трупы. Я злился на себя за то, что оставил бабку с дедом лежать на земле, на полу, беззащитными перед лицом смерти. Я представлял себе, что будет, когда спустя несколько дней их найдут.

К рассвету я окончательно продрог и решил спать в мотелях, по крайней мере по пути до границы. Денег хватало. Я взял из своих запасов два пончика и поехал в сторону города, оставив собаку позади. Пес и не подозревал, что его подло предадут, пока он справляет нужду. Я подумал, что в Калифорнии собака легко отыщет себе тепленькое местечко.

Бар уже открылся. Первый клиент меня, конечно же, запомнил, и я его тоже; а впрочем, какая разница? Я не собирался жить в бегах.

Я заказал два больших кофе. Официантка ничуть не изумилась при виде великана. Она хотела поболтать. Убийство Кеннеди казалось подходящей темой.

– Вот смотрю на город, залитый утренним солнцем, и думаю: что может здесь произойти? Маунт-Шаста вырисовывалась на фоне ясного желтоватого неба. Чертовски красиво.

– Останетесь у нас на какое-то время?

– Нет, еду в Лос-Анджелес, к отцу. Кстати, мне надо ему позвонить. У вас есть телефон?

Она указала мне на кабинку в глубине зала, между туалетом и автоматом с сигаретами.

По ходу дела я купил пачку «Лаки»¹⁹ без фильтра. Отец уже ушел, я нарвался на его жену.

– Могу попросить его тебе перезвонить.

– Нет, не надо.

– Ты не на ферме у бабушки с дедушкой?

– Нет.

– Что происходит, Эл? Есть повод волноваться?

– Лично у вас – нет.

– Так что мы будем делать?

– Я перезвоню через полчаса.

¹⁶ Хамфри Богарт (Humphry Bogart, 1899–1957) – один из самых выдающихся американских актеров. Наиболее известен по главной роли в фильме «Касабланка» (1942).

¹⁷ На самом деле никаких данных о сотрудничестве Ли Харви Освальда с советской разведкой до сих пор не обнаружено.

¹⁸ Маунт-Шаста (Mount Shasta) – маленький город у подножия одноименной горы на севере штата Калифорния.

¹⁹ «Лаки Страйк» (Lucky Strike) – марка сигарет, особо популярная в США в 1930-х годах.

Я повесил трубку и вернулся к стойке, чтобы допить кофе, успевший остыть, хотя подали мне его обжигающим. Две вещи в этом мире выводят меня из себя: кипяток и чуть теплый кофе.

– Ваш чертов кофе совсем холодный!

По взгляду официантки я понял, что она не ждала от меня подобной реакции. Она испугалась. Я подумал: «Несчастливая идиотка! Если ты считаешь, что я удовлетворился бы, содрав с тебя одежду и отыграв за барной стойкой, ты крупно ошибаешься!»

Видимо, мои мысли отпечатались на лице: девушка побледнела. Я улыбнулся. Она пришла в себя.

– Вы не знаете, где тут можно продать машину и купить мотоцикл?

Она порекомендовала парня на выезде из города и обрадовалась, что я не задержусь. Полчаса я томился ожиданием. Начиная сожалеть о том, что позвонил отцу. Отступить было некуда: жена всё равно рассказала бы ему, и, если бы я не перезвонил, он поднял бы на уши всех бабушкиных и дедушкиных соседей, а это мне не на руку.

Я выпил кофе, спешно приготовленный мне официанткой, – не холодный и не горячий – и направился к телефону.

– Пап, у меня две новости: хорошая и плохая. Хорошая новость: я убил бабушку. Плохая: дедушку я тоже убил. Но пойми: дедушку я убил, чтобы избавить от страданий. Иначе он увидел бы мертвую бабушку.

На минуту воцарилось молчание, затем отец взял себя в руки:

– Господи, Эл, что ты наделал! Не может быть, не может быть...

Он повторял это, не в силах остановиться, и наконец замолчал. Я слушал в трубке его дыхание, затем он продолжил:

– Ты совсем спятил, Эл! Черт возьми! Только подумай: что ты сотворил с нашими жизнями! – Заикаясь, он прибавил: – Скажи, что это неправда! Скажи, что ты не делал этого! Почему, почему, черт возьми, ты это сделал? Почему, Эл?

– Почему? Я тебе объясню, пап. Потому что было *необходимо* это сделать. Иначе это пришлось бы сделать тебе. Я сделал это вместо тебя. Мне жаль старика: его я не собирался убивать, но надо было завершить грязную работу.

Отец немного остыл: все-таки он в спецвойсках сражался.

– Куда ты дел тела?

– Оставил на месте.

– А где ты сам?

– В пути.

– Где?

– В пути.

– Ты кому-нибудь рассказывал о случившемся?

На секунду я представил, что отец мог бы мне помочь. Мы замели бы следы; сказали бы, что старики купили за наличку автофургон для кемпинга и отправились в путешествие, решили прочесать Аляску вдоль и поперек; мы бросили бы тела в лесу, а потом их нашли бы на три четверти растерзанными медведями: «Ах, какое горе!»

– Надеюсь, ты позвонил в полицию?

– Из-за убийства Кеннеди они не слишком обратили на меня внимание.

– Лучше бы ты пристрелил этого козла-президента, чем моих родителей! Эл, господи, как ты мог! Ты расправился с моими родителями! Ты ведь и мою жизнь послал к чертям!

– У меня есть сестры. – Я хотел его утешить.

– Твои сестры похожи на твою мать. Но проблема не в этом. Ты собираешься сдать?

– Да, но не сейчас. Я хочу подышать воздухом, побыть на свободе, которой меня скоро лишат. Если бы ты не спешил меня сдавать...

– Но я должен предупредить полицию, Эл. Они бросятся на поиски. Ты ведь не станешь сопротивляться?

– О нет, пап, ты хорошо меня знаешь. Я же не буйный! Я сдамся – и дело с концом. Просто я пока не готов. Скажи им, что это вопрос нескольких дней. Я впервые на свободе. Мне впервые вольно дышится, понимаешь? Если бы я не собирался сдаваться, я бы тебе никогда не позвонил. Но я хочу, чтобы бабушку с дедушкой похоронили. Я не осмелился. Не оставляя их так. Старик этого не заслужил. Мне гораздо лучше, когда я с тобой говорю. Ты себе не представляешь! Прямо гора с плеч: убийство и признание.

– Ты совсем спятил, Эл: твоя мать меня предупреждала. Я позвоню в полицию и отправлюсь на ферму. Где бы ты ни был, Эл, немедленно возвращайся!

– Я вернусь, но не сразу. Я должен подышать воздухом, прежде чем меня засунут в газовую камеру.

– Несовершеннолетних не отправляют в газовые камеры²⁰. Ты сохранил оружие?

– Да. Винчестер, подаренный стариком.

– Эл, ты ведь не станешь убивать других людей?

– Других? С какой стати? Ладно, всё, пап, я вешаю трубку. Я скоро.

Я повесил трубку. Учитывая эмоциональную сторону дела и всё такое, об убийстве можно говорить часами.

Отец не сразу осознал происходящее. Реальность не всегда укладывается в голове. Однако беседы ни к чему не ведут.

Пока я болтал, в бар набилось народу. На меня поглядывали с любопытством, но не более того. На неместного всегда смотрят с любопытством, особенно если он на две головы выше всех остальных. Все шушукались об убийстве Кеннеди. Многие опечалились – многие открыто заявляли, что сукиному сыну поделом. Разговоры на отвлеченные темы в подобном захолустье никогда не длятся долго: каждый выпячивает свое мнение, не слушая остальных, и в итоге все снова возвращаются к обсуждению насущных проблем. Утром следующего дня мужики начинали охоту на оленей, и Кеннеди воспринимали на том же уровне.

Я почувствовал, что от меня ждут общительности, и поддержал дискуссию об оружии. Мужики спросили, откуда я: люди редко доверяют свои мысли незнакомцам. Я сказал, что изучаю индейские цивилизации в Ванкувере и еду на конференцию в Бёркли²¹ через Маунт-Шасту. Еще сказал, что часто бывал здесь на каникулах с отцом и что летом мы разбивали палатку на берегу озера Сискию²². Очки с толстыми стеклами выгодно дорисовали мой образ: скучный ботаник, только и всего, что тут скажешь?

Девушка украдкой поглядывала на меня из-за барной стойки, и я чувствовал, что после моего приступа ярости она меня боится. Пламя беседы вдруг наелось и пропало, словно закончилась вечеринка у костра. В сущности, людям нечего сказать друг другу. Если разговор длится долго – значит, ведут его сплошь пьяницы. Я покинул бар и вернулся к машине.

²⁰ Отец Эла имеет в виду, что, по традиции, детей в США казнили только на электрическом стуле.

²¹ Бёркли (Berkeley) – город на восточном берегу залива Сан-Франциско в штате Калифорния. В Бёркли находится Калифорнийский университет, один из старейших в США (с 1868).

²² Сискию (the Lake Siskiyou) – озеро в одноименном округе штата Калифорния, образуемое разливом реки Сакраменто в районе Маунт-Шасты.

9

Направление, указанное барменшей, было верным. Торговец автомобилями находился в пяти или шести километрах по дороге к автотрассе. Я ожидал более приличной картины, однако попал скорее на свалку металлолома, чем в рай подержанных кабриолетов. У ворот лаял и рычал, рискуя повредить себе голосовые связки, большой рыжий пес с белым воротничком. Однако, увидев, что я смело выхожу из машины, он передумал и с недовольной мордой побежал прочь. Владелец гаража напоминал среднестатистического фермера, каких постоянно изображают на этикетках аэрозолей от насекомых.

– Я хочу продать машину и купить мотоцикл.

Сделка предполагала не просто обмен, а обмен со сдачей: ведь мотоцикл дешевле автомобиля. Такое положение дел продавца явно не устраивало.

Мы подошли к машине. Он осмотрел ее со всех сторон, заглянул в салон, затем достал из кармана грязную тряпку и вытер ладони. Сел за руль, заговорщически улыбнувшись мне, выдвинул кресло чуть ли не на метр вперед, поехал по двору. Испытание его удовлетворило.

– Никаких проблем. Нормальная тачка. В качестве мотоцикла могу предложить «Индиан»²³. В любом случае это единственная модель, которая тебе подойдет по росту. Если, конечно, ты не мечтаешь бороздить благословенные земли Америки коленками.

Довольный своей шуткой, мужик громко захохотал. Мотоцикл стоял за гаражом. Прекрасный мотоцикл: я всегда мечтал таким управлять. Здоровенный «Харли»²⁴, по сравнению с этим монстром в полцентнера, – просто комнатный велосипед. Мотоцикл был красно-белым, хромированным, с блестящим рисунком, защитными крыльями округлой формы и светло-коричневым кожаным сиденьем, отделанным бахромой. Понадобились бы годы непосильного труда, чтобы я позволил себе такую штуковину. Пока я пребывал в экстазе, продавец внимательно изучал бумаги на машину. Затем вернулся к мотоциклу.

– Модель пятьдесят три, одна из последних этой марки; пятизначный номер выпуска. Шикарный мотоцикл: двухцилиндровый двигатель тысяча триста кубических сантиметров, гидравлические вилки – ты можешь объехать весь мир, сынок. В обмен на автомобиль.

Вступать в дискуссию мне не хотелось. Я знаю, что бывает, если кто-то не оправдывает моих ожиданий. Преодолев критическую точку, гнев из меня выходит, поражая либо меня, либо другого человека. Чаще всего – меня, потом я восстанавливаюсь несколько дней. Я боялся испортить себе радостный момент. Оставив продавцу большую часть продуктов, закупленных дедушкой – мотоцикл не справился бы с таким грузом, – я оседлал коня. Продавец вытаращил глаза:

– Сколько ты вешишь, парень?

– Около ста двадцати килограммов.

– Надо же, эта махина и не дрогнула, когда ты на нее взгромоздился! Будь осторожен на неосвоенных дорогах: там полно колдобин и рытвин.

Он проверил, хорошо ли смазан багажник из кожи с бахромой.

– Смазывать надо раз в неделю. И седло тоже. Особенно если эта крошка будет спать на улице.

Затем – с интонацией утвердительной, а не вопросительной, хотя мы уже всё друг другу сказали, – он добавил:

– А с продажей машины я пока повременю. Интуиция говорит мне, что так будет лучше.

²³ «Индиан» (*Indian Scout*) – американский мотоцикл, выпускавшийся в 1919–1949 годах. Модель 1920 года была усовершенствована Бёртом Монро (Burt Munro) в 1962–1967 годах.

²⁴ «Харли-Дэвидсон» (*Harley-Davidson*) – американский производитель тяжелых мотоциклов (с 1903).

И поскольку я не ответил, он продолжал:

– После убийства Кеннеди снова может случиться кризис, такой, как тот, что выкурил моих родителей из Арканзаса в тридцать первом. Когда дела плохи, первым почему-то страдает автомобильный бизнес. И будь внимателен: не спутай кнопку бензина с кнопкой масла. В худшем случае они могут перемешаться – и тогда... Ну, счастливого пути!

Он едва закончил фразу, развернулся и направился в гараж.

Я уже собирался уехать, как вдруг вспомнил, что забыл винтовку под задним сиденьем машины.

– Эй, я кое-что забыл!

Когда я вынул из машины оружие, продавец молча взглянул на меня, хитро улыбнулся и сказал:

– Во время войны у мотоциклов была кобура, туда клали ружья. У меня такой нет, а если ты поедешь с винтовкой, полицейские клюнут на тебя, как кобели на течную суку. Советую отпилить ствол. Если тебе и придется стрелять, то недалеко, это не охотничье ружье. Отпилим ствол – и винтовка поместится в багажник.

Он взял у меня из рук оружие и уверенно зашагал к верстаку. Зажал винтовку в тисках и аккуратно отпил ствол.

Завершив операцию, протянул мне винчестер.

– Если копы это обнаружат, скажи, что играешь в Джоша Рэндалла из сериала «Разыскивается живым или мертвым»: у него такая же пушка.

Я смотрел этот сериал. Мне действительно не хватало только пушки, чтобы походить на Стива Маккуина. Может быть – еще и мотоцикла, но не уверен. Позже, случайно наткнувшись на мотофото, сделанное перед смертью Маккуина, я заметил, что байк у него – мой²⁵.

²⁵ «Разыскивается живым или мертвым» ("Wanted: Dead or Alive", 1958–1961) – популярный американский телесериал. В роли Джоша Рэндалла снимался Стив Маккуин (Steve McQueen, 1930–1980) – известный американский киноактер и мотогонщик.

10

По пути в Орегон, где пумы убивают чаще, чем профессиональные киллеры, я думал о том, что с удовольствием служил бы в полиции, так как в глубине души ничего не имею против порядка. Впрочем, после того, что я совершил, вряд ли копы примут меня с распростертыми объятиями.

Навстречу пронеслись несколько полицейских на «Харли». Может, я ошибаюсь, но мне показалось, что они высматривают мою серую тачку-развалюху. Целый день я ехал по пустынным дорогам. Благодаря своему весу и чрезвычайно низкому центру тяжести я комфортно чувствовал себя, покинув прямую дорогу без конца и края, вдоль которой деревья словно расступались, пропуская огромные грузовики в облаках выхлопных газов; я с удовольствием мчался по серпантину прямо к Кратер-лейк²⁶. Чем выше я поднимался, тем сильнее замерзал, несмотря на классную, только что приобретенную экипировку: перчатки с манжетами и шерстяной подкладкой, охотничьи сапоги и куртку из лошадиной кожи.

Двухцилиндровый V-образный двигатель успокаивающе мурлыкал, но мысли, не давая покоя, разбегались во все стороны. Мне хотелось позвонить матери и всё объяснить. Отец ей, наверное, уже рассказал. Думаю, она не так уж удивилась, даже если и не ждала от меня подобного: «Я тебе говорила: этот парень кончит серийным убийцей». В каком-то смысле она права: она трубила это со всех крыш – словно гадала, когда же сбудется пророчество. Я же, в свою очередь, гадал, что для матери окажется сильнее: радость осознания своей правоты или горечь осознания своей роли? В конце-то концов, убийцу у себя в животе выносила она, а не кто-то другой, и ничего тут не попишешь. Моя категоричная мать, которая всех вокруг учит жизни и презирует, вырастила убийцу. Думаю, для нее нет худшего оскорбления. Я превратил матку в оружие и почувствовал глубокое удовлетворение, хоть и ненадолго, учитывая все сложности моего безрадостного будущего.

Я остановился на вершине. Маленькая гостиница, словно дорожный знак, указывала на то, что выше некуда. Она была закрыта. Справа тропа вела прямо к озеру. Однако я пошел по главной дороге до развилки и, свернув налево, в сторону шоссе сто один²⁷. Вдоль ручья выстроились прелестные шале. Я выбрал хижину на отшибе и решил устроиться там. Выбил дверь плечом, тут же испугавшись, как бы не рухнула вся конструкция. Внутри было чисто и прибрано. Я разжег в маленьком камине огонь, моля небеса о том, чтобы ночью не пошел снег. Вынул бутылку виски и кое-что из еды. Ощутил легкое опьянение и досаду, больше ничего.

Когда я закрыл глаза и свернулся калачиком на жесткой подстилке, поднялся ветер. На природе не бывает тихо или шумно. Это вам не город: любой шум, любой шорох всегда умиротворяет – стоит лишь довериться дикой природе. Я подумал о бабушке с дедушкой, о том, где они сейчас. Души их, должно быть, воспарили до того, как примчался отец и забрал тела. Впрочем, я надеялся, что в небесах ничего нет. Не для того я убивал дедушку, чтобы он всю оставшуюся жизнь терпел бабушку в аду. Или в раю.

Я подвел итоги своего путешествия. Я не знал, когда сдамся, но не хотел этого делать до похорон. В конце концов усталость и чистый воздух взяли верх, и я крепко уснул. Мне приснился кошмар, и, проснувшись, я услышал шум. Сперва я решил, что за мной явились копы, но потом понял: это медведи бродят вокруг багажника, в котором я оставил жратву. Я вышел на порог с винтовкой и увидел двух койотов: они улепетывали от меня на всех парах – хвосты болтались между ног.

²⁶ Кратер-лейк (Crater Lake) – живописное кратерное озеро в центральной части штата Орегон.

²⁷ Дорога № 101 (U.S. Route 101) – самое протяженное скоростное шоссе в штате Калифорния (1300 километров), идущее вдоль тихоокеанского побережья; эксплуатируется с 1926 года. «Дорога Великанов» является частью дороги № 101.

Снова заснуть я не смог. К рассвету почувствовал усталость и похмелье. В дверь постучался какой-то тип с чашкой кофе и попросил разжиться сахаром. Сахар я ему вынес. Но этого оказалось мало: парень жаждал общения. С местным народом так всегда. Люди якобы ценят одиночество, при этом отнимают покой у каждого встречного, часами промывая ему мозги. Парень с гордостью сообщил мне, что убийцу Кеннеди пристрелили прямо у полицейского участка, или типа того. Убийцу убийцы звали Джек Руби. Он замочил моего героя – и я расстроился.

Парень, который со мной разговаривал, жил на склоне неподалеку и занимался лесным хозяйством. Моя манера медлить с ответами, думая о двух вещах одновременно, смутила его. Обычно я активнее думаю о том, что приводит меня в состояние стресса. Я не хотел слушать историю жизни своего собеседника: в ней не было ничего особенного. А даже если и было, меня это не заинтересовало бы. Когда он принялся расспрашивать о моей жизни, я спрятал голову, подобно черепахе, хотя черепахи обычно не выглядят злыми, а мне вменяют в вину именно злобный взгляд. Но я действительно считал, что разговор окончен.

Парень извинился за беспокойство и ушел, несколько раз обернувшись. Видимо, что-то в моем поведении его насторожило. Я сел на полукруглые деревянные штуковины, служившие ступеньками, и посмотрел на свой мотоцикл. Мне ничего не хотелось. Я пытался зацепиться за какую-нибудь интересную мысль, но безуспешно. Я ушел восвояси, хлопнув дверью и жутко ее искорежив.

Мотоцикл завелся с первого раза, и я отправился в Канаду, зная, что никогда не доберусь, так как стимул исчез, и что полицейские меня настигнут. К равнине я спускался на маленькой скорости, это меня успокоило. На поворотах я ловил воздух ртом, носом и глазами, проветривая голову и охлаждая разум. Надеюсь, что внезапно меня собьет легковушка или грузовик и бессмысленно начатая жизнь оборвется. Но я никого не встретил.

11

На ровной дороге я поехал быстрее. Воздух потеплел. Через несколько километров передо мной открылся промышленный город, где товарные поезда только и ждали наживы. Вокруг вагонов сустились крепкие парни в бежевых перчатках и касках. Вдали трубы заводов выбрасывали клубы серого дыма, который словно застывал в воздухе и никак не мог взлететь. Главная улица просыпалась через силу. Депрессивный город пугающе планомерно приводил себя в порядок.

Я хотел прибавить газу, но топлива почти не осталось. Я отыскал заправку на главной улице. Старательно затушив сигарету, ко мне подошел старик с такими кривыми ногами, словно он в детстве седлал не деревянного коня, а автоцистерну.

– Красивый мотоцикл!

Я не ответил, даже не посмотрел на старика. В любом случае мой ответ пролетел бы мимо его ушей.

– С пятьдесят третьего года таких не делают, да? Жаль, жаль: они того стоят!

– Где здесь полицейский участок? – спросил я. – Мне нужен шериф.

Старик махнул рукой.

– Вы не застанете его на месте. Его вызвали куда-то в горы. Лесничий угостил свою жену топором. Жуткое зрелище, наверное... Впрочем, никто ничего не видел. Алкоголь народу вреден. Кто-то из заместителей шерифа должен быть на месте.

Он бросил взгляд на часы с трещиной на циферблате.

– Скоро откроются.

Затем взглянул на меня, как на гигантскую секвойю.

– В жизни не видел никого выше тебя, парень.

Что на это ответишь?

Я рассчитался за топливо и по главной улице отправился в полицейский участок. Резиденция шерифа напоминала почтовое отделение, и американский флаг, развевающийся на ветру, выглядел изрядно потрепанным и засаленным. Пару минут я не слезал с мотоцикла, медлил, сомневался. Наконец принял решение.

Войдя в холл, я подумал, что никого нет. Однако внезапно из-за стойки высунулась круглая светловолосая женская голова. Она глупо улыбнулась мне – такие улыбки Кларк Гейбл расточает в своих фильмах направо и налево²⁸.

– Чем я могу вам помочь?

Я положил шлем на стойку, перчатки – в шлем и расстегнул кожаную куртку.

– Я пришел сдатьсь.

Она засмеялась.

– Сдаться? Вас преследуют за превышение скорости?

– Нет, за двойное убийство.

Она взглядела в меня, проверяя, шучу я или нет. Продолжила в том же игривом тоне:

– В нашем городе?

– Нет, южнее, в Норт-Форке – Сьерра-Невада, Калифорния. Ваши коллеги из Фресно²⁹ должны быть в курсе.

– Как они могут быть в курсе?

Она до сих пор не врубалась.

²⁸ Уильям Кларк Гейбл (William Clark Gable, 1901–1960) – американский актер, голливудский секс-символ 1930–1940-х годов.

²⁹ Фресно (Fresno) – крупный город, столица одноименного округа в центральной части штата Калифорния.

– Мой отец их, наверное, уже предупредил. Скорее всего, сейчас он уже на месте преступления.

– Очень хорошо, присядьте. Я сделаю телефонный звонок, чтобы удостовериться. Пока у меня нет подтверждения, я не могу вас задержать.

– Схожу куплю себе пончик, скоро вернусь.

Я взял шлем и перчатки и на глазах у изумленной блондинки покинул здание.

Неспешно оседлал мотоцикл и довольно медленно проехал по главной улице. По дороге я размышлял, чем готов заплатить обществу за двойное убийство бабушки с дедушкой, высчитывал среднее арифметическое лет, которые им оставались. Пятнадцать и девять, исходя из средней продолжительности жизни, – то есть из восьмидесяти лет. Разделить на два – получится двенадцать. Двенадцать лет каторги – значит, выйду в двадцать семь. Неплохо: большего старики не заслуживают.

Копы нашли меня на ступенях деревянного амбара на выезде из города. Я смаковал кофе и пончик и был погружен в себя; я завидовал всем, кто мог просыпаться каждое утро и делать свою работу, одну и ту же, всю жизнь. Из полицейской машины вышли двое. Оба держали руку на пушке, и это показалось мне драматичным. Я хотел отвезти мотоцикл к полицейскому участку и припарковать его в надежном месте. Надеюсь, что отец его заберет. Прочтя в глазах полицейских опаску, я сказал:

– Вы думаете, я стал бы сдаваться, если бы собирался сбежать?

Весомый аргумент их убедил, и мне удалось поставить мотоцикл в гараж полицейского участка. Затем я ознакомился со своими правами.

После нескольких телефонных звонков меня отвезли во Фресно. На ночь мы остановились в какой-то деревушке, где я провел время в камере с двумя пьянчугами. Они без устали молили чушь и гоготали. Когда всё это окончательно меня достало, я сказал, что оказался за решеткой из-за двойного убийства и мне нужен отдых. Пьяницы тут же замолчали, и больше я не слышал ни звука.

На рассвете мы снова отправились в путь. Копы говорили примерно о том же, о чем и накануне. Болтали всякую чушь и вспоминали обо мне, только когда я давал повод. Мне надо было на чем-то сосредоточиться. В качестве мишени я выбрал женщину-полицейского. Всю дорогу я воображал то, чего никогда не сделал бы с ней в реальности. В основном мое сознание производило сексуальные фантазии, благодаря которым я чувствовал, что еще жив.

12

По возвращении нас ожидали фотографы местных газетенок. Двое полицейских позировали рядом со мной, как Хемингуэй возле только что выловленной двухметровой меч-рыбы. Я счел несправедливым заявление о том, что меня арестовали, в то время как сдался я по собственной воле. Копы отвели меня к лейтенанту, которому поручили мое дело. Развалившись в кресле и положив ноги на стол, он пил кофе и разглядывал фотографии, не имеющие никакого отношения к моим старикам.

Пока меня вели по длинному коридору к кабинету лейтенанта, я чувствовал себя словно медведь, которого дрессировщик отдает на растерзание безжалостной толпе. Все копы и секретари на меня глазели. Лейтенант встретил меня скорее удрученной, нежели победной улыбкой. Отвел меня в комнату для допросов. Открыл папку с моим делом и выложил передо мной фотографии трупов бабушки с дедушкой.

– Вот, что ты сделал.

Он ждал, что я отведу глаза. А я взял фотографии одну за другой и всмотрелся в них. С тех пор как я уехал, старики не сильно изменились. Слегка побледнели, слегка одеревенели, ничего особенного. Я поразился тому, насколько зримая реальность противоречит идее возможного воскрешения.

– Почему ты это сделал?

Я глубоко вздохнул, и коп, наверное, решил, что я готовлюсь к длинной речи.

– Я хотел понять, как это бывает. К тому моменту я уже около двух недель воображал ощущения от убийства собственной бабушки. Это была навязчивая идея. Я думал об этом – и это произошло. Иногда мне хотелось этого больше, иногда меньше. Когда я убивал бабушку, я не задавался никакими вопросами: очевидное желание взяло верх над рациональностью. А вот дедушку я никогда не хотел убивать. Меня вынудили обстоятельства. Он слишком зависел от старухи. Если бы я оставил его в живых, он страдал бы до конца своих дней.

– А ты подумал о боли, которую ты им причинил? О боли, которую причинил отцу?

– Скажу вам честно: я *должен* был убить бабушку – и меня не интересовало, прав я или нет. Вот старика мне жалко. Что касается отца, я сделал ему одолжение. И хотя я не в состоянии объяснить почему, мне кажется, я оказал отцу огромную услугу. Разумеется, сейчас он в шоке, но спустя несколько недель, когда всё поуляжется, положительные моменты всплывут на поверхность, как утопленник, прошу прощения за сравнение. А где мой отец?

– Напротив, в баре. Он не хочет тебя видеть. По крайней мере, пока. Он переправляет тела в Лос-Анджелес. Сказал, вернется, когда мы определимся, что с тобой делать.

– Вам стоит присмотреть за ним.

– Почему?

– Он начинает пить, как только его что-то мучает. И выпить он может много. Вы видели: он тоже не маленьких размеров.

– Мы связались с твоей матерью.

– И что?

– Она сказала, что не удивлена. Сказала, ты давно задумал убийство и уже обезглавил кота.

– Если бы все мои однолетки, отрубавшие головы котам, убивали своих стариков, вы могли бы закрыть дома престарелых.

– В общем, ваша мать ждет решения суда – она не приедет в ближайшее время.

– А что решит суд?

– Тебя осмотрит эксперт. Поскольку ты несовершеннолетний и тебе меньше шестнадцати, эксперт должен решить, отвечаешь ты за свои действия или нет. Затем калифорнийский

орган по делам молодежи определит, куда тебя девать: в тюрьму или в психиатрическую лечебницу. Я не вполне понимаю, что происходит, я впервые сталкиваюсь с двойным убийством, совершенным подростком. Почему ты сдался?

– У меня не было сил двигаться дальше. Я люблю ехать по дороге: могу путешествовать дни и ночи напролет – а затем словно чувствую торможение, резкое торможение. Я всегда был замкнутым человеком. Но когда я ощущаю свободу, спустя несколько дней головокружение напоминает о том, что я не создан для нее. И тем не менее я готов убить любого, кто покусится на мою свободу. Собственно, так я и поступил с бабушкой. Убийство подарило мне двое суток свободы.

– Думаешь, оно того стоило?

– Да.

13

Какое-то время он просто проводит в ожидании, затем видит в дверном проеме ее одутловатое лицо. Она тяжело вздыхает. Она смущена. Из-за себя, из-за своего груза, из-за всего.

– Они каждый раз заставляют меня подписывать этот формуляр, поэтому я опаздываю.

– Какой формуляр?

– О том, что я не буду жаловаться на тюремную администрацию, если вы на меня нападете.

Он смеется:

– Если бы я на вас напал – вы бы уже ни на кого не смогли пожаловаться.

То ли ей не смешно, то ли она не показывает своих эмоций.

– Однажды ко мне пришел тип из ФБР, и я сказал, что собираюсь его задушить. Он позвал на помощь, но никто не откликнулся. Смена караула, время обеда и всё такое. Он заявил, что вооружен; я ответил, что с оружием в тюрьму не пускают даже сотрудников ФБР. Он пролепетал что-то о военных искусствах, которыми занимается, и, увидев, что меня это не впечатлило, описался. Когда за ним явились, у него вокруг причинного места красовался прекрасный желтый ореол. Надо было видеть, как мужик в черном костюме, белой рубашке и черном галстуке, с безупречной стрижкой, косолапил, чтобы скрыть свой стыд. Охранники здорово потешались. Они знают: я спокойный парень.

Он взглянул на грудку книг, которые она тяжело опустила на разделявший их стол.

– С днем рождения! – прошептала она.

– Откуда вы знаете, что сегодня мой день рождения?

– Я родилась в тот же день, что и вы, только с разницей в четыре года.

Она краснеет, словно извиняется за совпадение.

– То есть вам пятьдесят девять лет. Так я и думал. Чем больше вам лет, тем меньше остается времени на жизнь и на скуку. Я не осилю все эти книги.

– Делайте, как считаете нужным: это просто предложение. Все уже привыкли к вашей скорости...

– Я начал писать.

– Писать?

Она вздрогнула.

– У меня не берут литературную критику, поэтому я взялся за роман. Автобиографический. Не знаете издателя, который заинтересовался бы?

Она переспрашивает:

– Писать?

Он раздраженно кивает.

– Вы собираетесь рассказать всё?

– Это большой вопрос. Я соглашусь на публикацию, только если мой текст напечатают целиком.

– Я понимаю. Проблема в том, что...

– Проблемы нет... Вы знаете издателя?

– Знаю нескольких.

Она кажется потрясенной: с ней такое часто случается. Она эмоционально неустойчива. Словно в прострации. В этой тюрьме он каждый день видит людей в прострации. Если она будет продолжать в том же духе, он пошлет ее к чертям. История с книгой поразила ее в самое сердце. Он не знает почему, но она просто в шоке. Он добавляет масла в огонь:

– Я попросил меня перевести.

Она растеряна.

– Перевести куда?

– В рай, но мне отказали. Нет, серьезно, в исправительную тюрьму «Ангола»³⁰ в Луизиану. Понадобится время, потому что заключенный моего возраста из «Анголы» тоже должен попросить о переводе. Моя преданность церкви и постоянное присутствие на службах впечатлили директора «Анголы». Он слепо верит в Господа – я должен ему понравиться.

– И когда вас могут перевести?

– Завтра. Через месяц. Через десять лет. Никогда.

– Но вас там никто не будет навещать!

– И что это изменит?

Она не отвечает, склоняет голову.

– После стольких лет возникает вопрос: что поддерживает во мне интерес к жизни? Чтение, теперь вот писательство – мой вклад в понимание психологии серийных убийц. Я узнал, что в «Анголе» заключенные ухаживают за лошадьми на ферме. Я помню лошадей со времен своего детства в Монтане. Кстати, это мои единственные приятные воспоминания. В лошадях есть что-то очень человеческое – более человеческое, чем в людях. Я не хотел уходить из жизни. Дважды вскрывал себе вены – смотрел, как течет моя кровь, наблюдал, подобно ребенку, который следит за грязным ручейком рядом с домом. Перспектива выйти из тюрьмы меня тоже никогда не радовала. Я просил об условном освобождении, но перед комиссией выдал из себя лишь одно: «Думаю, выпустить меня – не такая уж плохая идея, но кто знает». Мне нравится встречаться с вами. Но вы навещаете меня раз в месяц. А в «Анголе» со мной каждый день будут лошади, понимаете? К тому же там каждый год устраивают состязания ковбоев: заключенные седлают быков и мустангов, а их семьи и зрители любуются; получается дополнительный приработок. Я хотел бы участвовать в главном состязании. Посреди арены ставят стол. Вокруг садятся заключенные, играют в покер; требуется чрезвычайная концентрация, чтобы следить за крупными ставками. Затем на арену выпускают разъяренного быка – он опрокидывает стол. Кто поднимется с земли последним, забирает куш.

Они видятся лишь по полчаса в месяц, однако уже через пять минут им нечего друг другу сказать. Она бывшая хиппи, нет сомнений. До сих пор пахнет, как хиппи; ее жирные волосы то ли вьются, то ли просто растрепаны. Эта женщина состарилась и выглядит не лучше, чем ветераны войны во Вьетнаме. У тех, по крайней мере, глаза блестели, хоть и от ЛСД. Иногда он размышляет о девушках, которые отстаивали свободную любовь и трахались со всеми подряд лишь для того, чтобы доказать свою независимость. Он не воспользовался даже ими. Его от них тошнило. Одна затычка – затем расставляю ноги, сжимаю ими чей-то торс: не знаю, чья во мне сперма, но знаю, что я за всеобщее братство. Такая программа. Правда, с детьми беда: непонятно, от кого они. Но из этого тоже можно извлечь выгоду: дети принадлежат всем – и никому.

Он ненавидит поколение хиппи. Теперь от хиппи остались ребята вроде Сюзан, которые считают себя людьми широких взглядов, а на самом деле просто туго соображают, потому что их мозг давно поврежден наркотой. Психиатр назвал бы это коллективной шизофренией, распадом личности, бредом, кататоническим синдромом, социопатией. Она потеет. Хотя сидит неподвижно. Она чувствует свою незащищенность, в этом всё дело. Он весит сто шестьдесят три килограмма и не потеет никогда.

– Не уверен, что вас привели сюда книги для слепых и прочие глупости. Но я буду с вами честен. Я не хочу знать настоящую причину, потому что, раз вы ее скрываете, значит, она самая важная. Мне плевать, Сюзан. У нас профессиональные отношения, и всё прекрасно. Я люблю, когда вы приходите. Но мог бы обойтись без этих визитов. Никто, кроме вас, не станет

³⁰ Государственная тюрьма США, самая крупная и наиболее тщательно охраняемая. С трех сторон окружена рекой Миссисипи.

меня навещать – ну и ладно: что дальше? Вы единственная представительница женского пола в моем мире, где вокруг сплошные мужики, которые мастурбируют по восемь раз на дню в надежде раздвинуть стены. Если мне придется отказаться от вас...

Она клует носом, улыбается жалкой улыбкой, которая тут же гаснет. Думает, стоит ли плакать. Не решается. Он разглядывает стопку книг и читает задники обложек. Ничто его не привлекает. Его вообще сложно чем-то заинтересовать. На самые толстые книги он практически не смотрит. Когда книга слишком длинная, читатель теряется, даже если он слепой. Он встает и потягивается:

- Поговорите о моей книге с издателем. Вы мне сделаете большое одолжение. До скорого. Прежде чем уйти, он в последний раз оборачивается.
- Если меня переведут в «Анголу», я вам напишу.

14

Судебный эксперт огласил диагноз: параноидальная шизофрения. Выходило, что парень, не купивший за всю свою жизнь ни одного лотерейного билета, выиграл в лотерею. Слушание длилось около четверти часа. Психиатр монотонным голосом читал заключение и время от времени вдруг ускорял речь – видимо, чтобы присутствующие не уснули. Выглядело странно-вато. Судья, впрочем, тоже не отличался ретивостью. Психиатр объявил меня неадекватным психопатом, не способным функционировать, опасным для общества и для себя самого. Он также добавил, что лечение может оказаться весьма и весьма длительным, и в итоге объявил, что я не могу нести ответственность за свои поступки.

Пока одно ухо судьи слушало литанию психиатра, а второе, свернувшись в трубочку, отдыхало, я шепнул предоставленному мне адвокату, что считаю выводы врача просто смехотворными. Я хотел доказать осознанность своих действий. Однако адвокат мне не позволил, сказав: «Это твой единственный шанс выйти на свободу». Тогда я взял над собой верх.

Послеобеденное время я провел с психиатром. Это было всё, на что способно правосудие ради парня вроде меня. Психиатр был одержим «идеей убийства». Он хотел знать, слышал ли я голоса и находился ли во власти потусторонних сил, когда убивал бабушку с дедушкой.

– Я размышлял об убийстве несколько недель. Я знал, что это плохо, очень плохо. Я не надеялся, что общество меня простит, но для меня убийство стало вопросом выживания, необходимостью. Либо я убью – либо умру сам. Если бы я этого не сделал, то спустя несколько дней непременно покончил бы с собой. Я выбрал чужую смерть вместо своей. Я не чувствую вины: бабуля была уже старой, а я подросток. Кроме того, я оказал услугу своему отцу. Если бы отец отличался храбростью, мне не пришлось бы делать грязную работу за него.

Беседа о моем детстве не сильно затянулась. Психиатр услышал достаточно, чтобы составить мнение. Затем он снова заговорил о моей бабушке.

- Она вас била?
- Нет.
- Она вас унижала вербально?
- Нет, не особенно.
- Тогда в чем вы ее упрекаете?
- Она мешала мне дышать.
- И вы считаете, она заслуживала смерти?

Думаю, в этот момент доку показалось, что я сомневаюсь. Я никак не мог уловить ход своих мыслей и объяснить, откуда растут ноги. Я не был уверен в том, что мыслю логично. Четко я помнил только о своем решении. Но решение было мое, а не чье-то еще: я не слышал никаких голосов, которые якобы могли передать мне послание из другой галактики.

В зале суда я чувствовал себя как на похоронах. Солнце уже успело взойти высоко, крыша и стены здания нагрелись, головы присутствующих отяжелели. Судья несколько раз чихнул, прежде чем объявить меня психически нездоровым и отдать на попечение калифорнийскому органу по делам молодежи.

Во взгляде судьи я прочел удовлетворение: больше ему не придется ломать голову над моим случаем. Он покинул зал, предвкушая ароматный кофе, который выпьет у себя в кабинете.

Комиссия по делам молодежи провела примерно ту же работу, что и суд. Социальные работники и психиатры дефилировали передо мной днем и ночью, задавали вопросы, словно готовились выпустить мою биографию. Согласно моему адвокату, прочитавшему рапорты, психиатры сильно расходились во мнениях и друг с другом, и с судебным экспертом. Однако в конце концов комиссия решила, что тюрьма для меня неподходящее место: там мне не обес-

печат правильного лечения, и тогда меня погубит чувство вины. Я совершенно не чувствовал себя виноватым, но, видимо, люди вкладывают в одни и те же слова разный смысл.

Недели, проведенные в тюрьме в ожидании окончательного решения моей судьбы, не оставили никаких выдающихся воспоминаний. Я готовился к приступам клаустрофобии или чего-то в этом роде, но напрасно. Наверное, всё зависит от состояния духа: можно чувствовать себя запертым на свободе и свободным взаперти. Обращались со мной хорошо. Сокамерники не лезли: знали, что я не останусь гнить в этой дыре. Я даже испытывал какое-то уважение к своему гигантизму. Новички всегда боятся, что в душевой к ним кто-нибудь незаметно подкатит и трахнет. Я подобной угрозы не чувствовал: трудно было вообразить, что у кого-то из местных парней между ног пожарная лестница вместо члена. Сам я ни с кем не связывался. Это не в моих привычках, да и смысла никакого.

Однако тюрьму я покинул в состоянии сильного напряжения. К тому моменту я не мастурбировал уже несколько недель. Стыдился. Дрочить в присутствии сокамерников – это деградация, хотя, конечно, я понимаю, что спустя годы становится всё равно. В окно машины, которая везла меня в психиатрическую лечебницу в АтаскADERO³¹, я увидел компанию прелестных смеющихся девушек, они шли по улице, беспечно о чем-то щебетали, и мне захотелось плакать. Я ностальгировал по тому, чего у меня никогда не было. Вскоре желание подавило эмоции. Не желание обладания, а что-то более сложное, – я немедленно изгнал это из своего мозга. Вжался в сиденье и подумал о мотоцикле, который когда-нибудь, возможно, снова увижу... батарея, конечно, уже сдохла.

Внезапно меня охватил дикий страх. Я чуть с ума не сошел. Я не хотел ехать в лечебницу. Я вдруг решил, что лучше тюрьма. Вспомнил многочисленные истории о людях, которые случайно попадали в сумасшедшие дома и выходили потом психами, словно им мозги через мясорубку пропустили. Я спросил у полицейских, которые меня везли, не знают ли они, как там в АтаскADERO. Они ответили, что не особенно в курсе, но слышали, будто там защищают граждан Калифорнии от разных психов. Я спросил, чем в основном страдают тамошние больные. Полицейский погладил ус и ответил, что, с его точки зрения, одна треть в АтаскADERO – преступники, а две трети – психопаты, которые и мухи не обидят. Другой, тот, который всю дорогу молчал, принялся возмущаться по поводу скотин, которых держат в психушке за счет налогоплательщиков и якобы лечат, как будто зло можно вылечить!

– Ты думаешь, что человек, убивший бабушку с дедушкой, способен однажды стать добпорядочным американским гражданином? – спросил он, презрительно на меня посмотрев. – Ты действительно так думаешь, сопляк?

Уверен, что, если бы я не был в наручниках, он не прибавил бы «сопляк». Однако я не сломался:

– У меня были причины так поступить.

– Вот поэтому ты псих. Ты считаешь, что у человека могут быть причины, чтобы убить бабушку с дедушкой. Тебя годами будут держать в лечебнице и учить раскаянию. Но проблема в том, что зло уже в тебе. Ты по ту сторону от нас – и теперь слишком поздно. – Он открыл окно и закурил. – Знаешь, я хотел бы верить в то, что тебя можно вылечить. Но душевнобольных не вылечивают. Если собака укусила ребенка, ты больше не доверяешь ей, хотя через минуту она уже трется носом о твои колени и виляет хвостом. Лучше сразу смириться. Ты перешел черту. Я бы тебя за это не убил. Но я никогда бы не выпустил тебя на свободу.

³¹ АтаскADERO (Atascadero) – город в южной части штата Калифорния, примерно в 300 километрах к юго-востоку от Сан-Франциско.

15

Мы ехали мимо поля, где паслись черные коровы. Издалека больница напоминала огромный свадебный торт на ярком разноцветном блюде или на пестрой скатерти. Сбоку крем слегка подтаял. Торт увеличивался в размерах по мере нашего к нему приближения, стены вокруг него – тоже. Я заметил ограду из колючей проволоки. Сторожевых башен не увидел, но в целом местечко производило впечатление чертовой тюрьмы. Меня встретили крепкие парни – медбратья. Отвели к какой-то даме, любезной, но жесткой. Медбратья стояли рядом, пока я заполнял бумаги и отвечал на вопросы. Я спросил, могут ли меня навещать. Дама сказала, что да, затем удрученно прибавила: мол, звонили отцу с матерью, предлагали им присутствовать при оформлении в больницу, однако ни он, ни она пока не желают об этом и слышать.

– Со временем острые углы сглаживаются. – Она попыталась меня успокоить. – Надо их понять. Ты не просто убил – ты убил членов своей семьи, родителей отца. Понадобится время, чтобы тебя снова приняли в семью. Возможно, психиатр захочет их увидеть – тогда им придется приехать. Но не думай пока об этом.

На прощание она мне улыбнулась. Конвой в лице медбратьев сопровождал меня в палату. Мы прошли около пятисот метров, не меньше. В этой больнице всё было высоким, длинным, узким. Коридоры тянулись, словно вечность. В секторе для обычных больных (не преступников) попадались пациенты, свободно разгуливавшие туда-сюда. Многие казались жертвами серьезных родовых травм: низкие выпуклые лбы, слишком большие, иногда конусообразные головы. При тусклом свете, еле просачивающемся сквозь крохотные высокие оконца без решеток, картина представлялась мне, мягко говоря, безрадостной. Ни один из пациентов на меня не взглянул. Все они витали где-то далеко, так далеко, что оттуда, наверное, не возвращаются. Одни мучились множеством нервных тиков; другие ступали, как курицы, разлагая каждый шаг на составные. Я никогда не причинил бы этим людям вреда, но человечество, страдающее «церебральным недержанием»³², вызывало у меня тошноту.

Блок для преступников больше напоминал тюрьму, но там люди были похожи на людей. По крайней мере, те, кого я заметил. В этот послеобеденный час все сидели по своим палатам. Моя была узкой, как штанина. Пройти между кроватью и шкафом невозможно. Окно без решетки располагалось так высоко, что обычный человек не достал бы. Медбратья извинились, сказав, что никто не предупредил их о моем телосложении. Меня оставили одного на полчаса, затем перевели в более просторную палату, если просторным можно назвать помещение, где не ударяешься лбом о стены, когда хочешь развернуться. Выяснив, что сортир на улице, я понял, что лишать свободы меня здесь никто не собирается; впрочем, за исключением некоторых деталей, больница здорово напоминала тюрьму. Тем не менее в одиночной палате я усматривал некоторые плюсы. Как ни странно, обстановка мне нравилась. Я чувствовал себя спокойно. В окно, проделанное в двух метрах над полом, виднелась полоска пастбища вдалеке, стены и колючая проволока. Я лег на кровать и часа два тупо смотрел в потолок, ни о чем не думая, удивительным образом ощущая себя в безопасности.

Я не мог провести годы в этой больнице, свернувшись калачиком на постели. Я позвал охранника и показал ему, что кровать сантиметров на тридцать короче меня. Как я ни прилаживался, ноги всё равно утыкались в спинку. Охранник пообещал мне посмотреть в амбаре, нет ли подходящей койки. Я дождался ужина. Надел форму, предназначенную для самых опасных пациентов (сверток лежал на кровати), и покинул комнату, когда охранник под звуки горна открыл мне дверь. Каждый пациент должен был держаться на расстоянии от других.

³² Язвительная метафора, намекающая на то, что главный герой уподобляет психические отклонения недержанию экскрементов. – *Примеч. пер.*

В столовой все выстроились гуськом перед кипящими котлами с полужидкой пищей, которую можно есть без ножей. Я присел на свободное место. В тюрьме это делать рискованно. В тюрьме любое место обязательно принадлежит какому-нибудь парню или целой банде. Однако в больнице не чувствовалось ни малейшей агрессии. Никто никого не задирает, каждый смотрит невидящим взглядом. Никто не навязывал своих законов. Убийцы, которых заклеивали как душевнобольных, страшные индивидуалисты: они погружены в себя. Сейчас, имея за плечами огромный опыт, я бы даже назвал сотоварищей по лечебнице тревожными, весьма опасливыми. Прямое столкновение приводит их в ужас. Насилие осуществляется лишь при условии чрезвычайной слабости жертвы. Впрочем, тогда я об этом еще не подозревал. Да и откуда мне было знать? Пациенты украдкой на меня поглядывали, вот, пожалуй, и всё. Мои размеры их впечатляли. И даже не сами размеры, а то, каков этот великан в действии.

Все заключенные, садившиеся возле меня, хотели показать, что я им до лампочки. Кроме одного типа лет пятидесяти, который очень выделялся на фоне остальных своим удивительно благородным утонченным лицом. Он несколько раз мне бегло улыбнулся и подмигнул, словно мы с ним заодно. Но в чем? Я не знал. Я предположил, что мужик, вероятно, гей, хоть я и не похож на мальчиков, о которых обычно мечтают геи. Среди прочих я заметил двоих парней жутковатого вида. Один мужик, тоже лет пятидесяти, смесь вождя краснокожих и какого-нибудь ирландского дальнобойщика, поражал размерами своей головы (любой шляпник умер бы на месте) и безумным взглядом длинных черных глаз (расходящееся косоглазие сыграло свою роль в завершении образа).

Кормили нормально. Лучше, чем в тюрьме, – хотя, наверное, хуже, чем в тюрьме, не бывает. Никто со мной не разговаривал, но я чувствовал, что многие сгорали от любопытства: для своего возраста я слишком быстро попал в психушку да еще в блок для особо опасных преступников. Передо мной уселся тощий парнишка, уродливый до такой степени, словно небеса над ним поглумились. Его тело ходило ходуном, а лицо искажала гримаса. Примерно каждые полминуты он скалился, как дикий зверь. Судя по лысине, волос у него не было никогда. Что-то явно препятствовало их росту. Парень хотел со мной заговорить, но у него не получалось. После каждой неудачной попытки он вытирал лоб. Слюни в уголках его губ вызвали у меня тошноту, я уставился в свою тарелку, чтобы спокойно доесть ужин.

Когда я не хочу на кого-то смотреть, я поднимаю голову и нахожу точку, на которой сосредотачиваюсь. Это мое преимущество. Пользуясь военной метафорой отца, скажу, что я отыскиваю воздушный коридор, где скрываюсь от обстрела. Отец всегда так делал, он тоже отличался немалым ростом. Я даже наблюдал за ним во время этого занятия, когда мать принималась орать как умалишенная. Он стоял, опершись спиной о стену, сложив руки на груди и глядя в никуда.

Я злился на то, что после ареста он ни разу со мной не говорил. С матерью всё иначе: она, наверное, и правда в ярости. Она не хотела приехать, потому что пришлось бы объяснять коллегам, куда и зачем. Я даже не уверен, что она сказала моим сестрам. А если и сказала – представляю себе разговорчик. Толстушки возвращаются домой, одна – с работы, другая – из школы. Мать садится чистить картошку. На горячей сковороде стрекочет масло. Дочери здороваются с матерью. Без объятий. В гостиной сидит новый мамин мужик. Читает газету. Он в тапочках. Ему жарко. Но без тапочек мать не пустила бы его на свою территорию. Не могу его описать, я уже уехал, когда он занял место отца.

Недолго мать страдала. Ей надо тряхаться как минимум два раза в день. При этом на мужчину она даже не смотрит. Такой вывод я сделал, проанализировав факты, собранные за четырнадцать лет жизни в комнате прямо под спальней родителей. Особенно мать любит бросить в лицо мужику, который только что увидел рай, фразочку типа: «я не кончила», «ты не умеешь доставить женщине удовольствие», «в постели ты полный ноль» и тому подобное. Тогда мужику не остается ничего, кроме как начать заново.

Короче, представляю, как приходят домой мои сестры, и мать, не поднимая головы, сообщает им: «Ваш брат убил бабушку с дедушкой». Младшая сестра, у которой мозг размером с горошину, наверняка спросила бы: «Каких?» Хотя она прекрасно понимает, что мамы родители давно умерли и мы их никогда не знали. А старшая сестра – вижу, как наяву! – сказала бы: «Вот придурок!» и при этом ни на секунду не перестала бы рыться в холодильнике в поисках какой-нибудь дрянной закуски. Утолив голод, она тут же забыла бы о стариках. Она в принципе лишена эмоций и, по-моему, страдает гипомнезией³³. Я никогда не видел ее ни веселой, ни грустной. Даже когда она злится, чувствуешь, что она себя заставляя, что для нее это неестественно. Доброта требует слишком сильного интеллектуального напряжения. Сестра не схватывает общий смысл понятия и не способна воспроизвести соответствующий тип поведения.

После ужина мы строем отправились в палаты. Охранник запер меня на засов. Я спросил у него, где можно взять что-нибудь почитать. Он ответил, что в виде исключения вместе с моими лекарствами принесет мне журнал, а доступ к библиотеке я буду иметь со следующего дня. И журнал, и лекарства я получил через полчаса. Я даже не спросил, от какой болезни лекарства. Видимо, от болезни, которая заставила меня убить бабушку с дедушкой. Снотворное действовало быстро. Я добрался до третьей страницы журнала и теперь с наслаждением пожирал глазами задницу Мэрилин Монро, умершей почти два года назад (что, впрочем, не отразилось на ее притягательности), когда почувствовал, что глаза слипаются сами собой. Давнишние сексуальные фантазии пришлось отложить на потом, я провалился в сон и впервые в жизни проспал всю ночь без единого кошмара.

Проснулся без сил. Тем не менее перед завтраком сообразил вырезать фотографию Монро и повесить в шкаф. Завтрак прошел еще тише, чем ужин, хотя некоторые пациенты вели себя подобно заведенным игрушкам. Кое-кто снова принялся на меня тарашиться. Мой возраст всех интриговал. Я был самым молодым из всех и приехал издалека. После кофе и вонючей плюшки меня отвели обратно в комнату, чтобы я подготовился к первой встрече с психиатром. Но я почему-то уснул, да с такой легкостью, словно не спал годами. Медбрат разбудил меня, и я, пошатываясь, добрал до кабинета, напоминающего комнату для допросов, с большим стеклом, через которое персонал наблюдает за безопасностью врача. На какое-то время меня оставили одного, и я снова уснул, положив голову на стол. Мои руки болтались по бокам безо всякой опоры. Вскоре медбрат разбудил меня в очередной раз.

³³ Гипомнезия – ослабление памяти.

16

Психиатр вошел в кабинет и любезно предложил мне присесть. Я ответил, что вообще-то уже сижу. Он улыбнулся.

– Мы не всегда будем общаться в этой комнате. Это просто проверка на первый раз. Я уверен, что ты будешь вести себя хорошо.

Я сразу же ощутил к себе благосклонное отношение. Благосклонность – то самое слово. Он пристально на меня посмотрел, пытаясь разглядеть за толстыми стеклами мои глаза.

– С тобой случилось страшное. Мы постараемся в тебе что-то исправить. Чтобы однажды ты мог выйти отсюда. Ведь ты хочешь этого?

Голова соображала медленно.

– Чего я должен хотеть?

Он снова улыбнулся.

– Выйти отсюда. Ты хочешь этого?

Я засомневался.

– Пока не знаю.

– Ты хочешь вернуться к жизни, которую ведут нормальные молодые люди твоего возраста?

Я понял, к чему он клонит.

– Мне кажется, вы не знаете, какой жизнью живут так называемые «нормальные люди». Я действительно хочу выйти отсюда. Но не для того, чтобы стать придурком вроде других.

– Эл, в досье сказано о твоём выдающемся интеллекте. Буду с тобой откровенен: мне никогда не встречались пациенты с таким интеллектом. Я впечатлен. Постараюсь быть на высоте. – Помолчав, он добавил: – Я очень рад, что буду с тобой работать. Однако должен тебе сказать, что интеллект ничего не стоит, если человек лишен гибкости. В данный момент твой интеллект для тебя обуза, потому что он зашкаливает и ты не умеешь им управлять. Ты выйдешь отсюда, когда комиссия сочтет, что ты больше не представляешь угрозы ни для общества, ни для себя и что гибкость ума позволяет тебе адаптироваться к разным жизненным ситуациям.

– Но я не представляю опасности для общества. Я замочил бабушку, потому что она не давала мне дышать, и к тому же я считал ее виноватой перед отцом. Что касается дедушки...

– Всё это мне известно. Ты сейчас убеждаешь меня в том, что несешь ответственность за свои поступки. Я не хочу этого слышать. Особенно после того, как ты заявил, что не уверен в своем желании выходить отсюда. Мы с тобой должны разобраться в твоих противоречиях. Будем разговаривать каждое утро. А после обеда будешь работать вместе с другими заключенными. Через несколько недель, если я сочту возможным, тебе позволят продолжать учебу. Расскажи, что тебя интересует, какие у тебя хобби.

Такие, как я, не сразу отвечают на подобные вопросы. Он почувствовал мои сомнения.

– Мотоцикл. Люблю мчаться, подставив лицо ветру. Но это когда со мной всё в порядке. А вообще я любил стрелять. Теперь, наверное, не получится...

– Наверное. Что еще?

– Больше ничего.

– Нет ничего, что бы тебя интересовало?

– Как вам объяснить? Всякий раз, когда меня что-то интересует, я от этого устаю, потому что меня одолевают дурные мысли. Эти мысли берут верх над любым увлечением и мешают мне идти вперед.

– Понятно. Мы об этом поговорим. То есть ты не в силах дочитать книгу до конца, да?

– Да.

– Давай заключим сделку. Ты возьмешь в библиотеке книгу и будешь заставлять себя читать каждый день, не думая ни о чем другом. Десять, двадцать страниц – сколько сможешь. Ты будешь стараться отгонять от себя дурные мысли. И ты выйдешь отсюда, когда убедишь врачей в том, что сам решаешь, о чем тебе думать. Понятно?

– Да.

Я сгорал от любопытства и не мог не задать вопрос:

– А что такое параноидальная шизофрения?

Доктор посмотрел на меня и почесал подбородок.

– Почему ты спрашиваешь?

– Судебный эксперт сказал, что я болен этим...

– А, всё ясно. Не думай об этом. Это жаргон психиатров. Никто точно не может сформулировать определение шизофрении. В общих чертах, шизофрения – это ненормальное поведение, несколько особенных болезней. Однако большинство убийц нормальные люди. Может быть, и ты нормальный, Эл?

– Если я нормальный, то меня стоит отправить обратно в тюрьму?

Он понял, что тюрьма меня не пугает.

– О нет, мой мальчик. Ты не улавливаешь всех тонкостей системы. Если бы тебя признали нормальным, тогда тюрьма грозила бы тебе пожизненно. Но если ты станешь нормальным после больницы, это будет означать, что тебя излечили. И позволь мне дать тебе совет: держись подальше от других, старайся с ними не связываться. Они могут тебя опустошить – и ничего не дадут взамен.

Он поднялся и дружески похлопал меня по плечу.

– Увидимся завтра. В моем кабинете.

Прошу прощения, я забыл описать врача. Так со мной всегда: внешний вид людей для меня не играет особой роли. Чаще всего, глядя на них, я их не вижу, зато представляю их отношение к себе. У Лейтнера были ярко-голубые глаза и квадратные очки в черной оправе. С годами его глаза не утратили блеска. Лет ему, на вид, было около сорока. Он не волок на себе все страдания рода человеческого. Не занимался чужими проблемами, чтобы почувствовать себя лучше. Он казался объективно мыслящим оптимистом. Наверное, за пределами больницы вел нормальную жизнь. Любил спортивные машины, любил скорость, мчаться вдоль океана. Правда, не знаю, мог ли он позволить себе спортивную машину. Мне сложно сказать, что я почувствовал после нашей первой встречи. Обычно я ничего не чувствую. А иногда человек мне не нравится, потому что я инстинктивно чувствую угрозу. Многих я презирал, видя, насколько они уступают мне в интеллектуальном развитии. Доктор Лейтнер не желал мне зла.

Я пошел в библиотеку. Она не отличалась от остальных зданий: длинных, узких, высоких. Мне интересно, о чем думал архитектор, рисуя проект больницы. За две секунды я понял, что библиотекарь на своем месте давно и навсегда. Мне вдруг стало страшно от мысли, что психиатрия не точная наука и вылечить удастся не всех. Я вообразил себя через пятьдесят лет – бледным, заросшим, истосковавшимся по свободе. Я отчаянно надеялся на то, что Лейтнер все-таки профессионал. Медбрат, который меня сопровождал, обратился к библиотекарю по фамилии, поприветствовал его, однако тот не ответил. Тот вынимал из коробок книги и складывал их в две стопки. Одну книгу никак не мог пристроить. Спросил у меня, что я хочу почитать, внимательно оглядел мою форму, понял, что я преступник, поправил очки и отправился в путешествие вдоль полок. Вернулся с экземпляром «Преступления и наказания» и положил книгу передо мной, словно хороший бакалейщик, отыскавший нужную приправу.

Почему люди пишут? Часто из глухого тщеславия. Люди гордятся своим горем и хотят разделить его с человечеством, потому что ноша слишком тяжела. Думаю, еще люди пишут, когда не находят поддержки у семьи: тогда семья, в какой-то степени, источник всех несчастий. А читатели дают иллюзию духовной близости в дышащем пространстве, а не в тесном кругу

семьи. Иногда пишут с целью оставить о себе память. Но чем жизни писателей лучше жизнью других? Порой книга от издателя сразу же попадает в объятия скуки, а то и на помойку. Я знаю, почему я пишу. Я просто хочу догнать поезд человечества.

Достоевский тот еще фрукт. Я лег на узкую кровать, которая мне не по размеру. И погрузился в Достоевского. Я осилил около двадцати страниц, прежде чем пришли дурные мысли. В смятении я провожу часы, не замечая времени. Иногда всё заканчивается сильнейшим оргазмом. Иногда я засыпаю, воображая удовольствия, которые мог бы ощутить.

17

Лейтнер хорошо смотрелся бы в правительстве, среди людей президента Кеннеди. Он выглядел уверенным, в меру расслабленным, в модных очках. Глядя ему в глаза, невозможно было усомниться в том, что демократы спасут мир. Бежевая легкая куртка «Баракута»³⁴ придавала облику спортивности. Короче, доктор Лейтнер был членом того самого племени, которое мой отец ненавидел еще со времен операции в заливе Свиней³⁵. Мой отец так и не простил им предательства, когда они оставили своих товарищей из спецподразделения подыхать на кубинском пляже лишь потому, что кому-то во время высадки не хватило смелости попросить помощи у авиабригады. Отец говорил, что не припомнит подобных подстав со стороны властей за всё время своей военной службы. Позже этот богач, вальяжно развалившийся в Овальном кабинете с сигарой в зубах³⁶, дорого заплатил за свое решение и за каждую жертву! Так мой отец рассуждал за покером со своими друзьями по армии, выжившими и оставшимися в Хелене после демобилизации. Разумеется, трое из них соглашались с ним и от души честили сволочного президента, предрекая ему адовы муки.

В первые месяцы терапии Лейтнер совсем не говорил со мной о бабушке с дедушкой. А когда я упоминал о них, слушал меня с отсутствующим видом, словно речь шла о чем-то второстепенном. Ни смерть моих стариков, ни ее обстоятельства дока не интересовали. На первом сеансе он установил правила игры. Спросил, люблю ли я шахматы. Дедушка научил меня базовым ходам; вряд ли можно сказать, что я его отблагодарил, прострелив спину и голову, но что было, то было.

Воспоминание о дедушке и шахматах привело меня в крайне неустойчивое эмоциональное состояние. Я сказал Лейтнеру, что сожалею об убийстве. Док сделал исключение и спросил, сочувствую ли я дедушке. Я не очень понимал, что такое сочувствие. Лейтнер объяснил, что это способность поставить себя на место другого человека и понять, что он чувствует. Вопрос меня удивил. Как я мог поставить себя на место дедушки? Как можно поставить себя на место трупа? Десятую долю секунды до выстрела дедушка был дедушкой. Просто стариком, который выгружал из машины продукты. О чем он думал? Скорее всего, он думал: «Не забыл ли я чего-нибудь по списку, который жена составила? А то она будет орать. Хотя она в любом случае будет орать, криком обозначая свою территорию». Возможно, он думал о вкусном обеде, о том, как откроет бутылочку своего любимого пива, или о том, как вечером будет работать в саду. Он также мог думать обо мне, о том, что мой отец, произведя меня на свет, не преподнес ему подарок, или о том, что бабушка со мной слишком сурова и надо ей об этом сказать, но страшно ей об этом говорить, совать нос не в свои дела: ведь старуха не ровён час отравит вечерние часы отдыха, часы пенсионного блаженства. А через десятую долю секунды дедушка, погруженный в раздумья, уже не дедушка. Он ничто. Мертвец.

Я спросил у Лейтнера, где тут место сочувствию. Сочувствуют лишь тому, кто знает, что умрет. Мой отец говорил, что видеть смерть друзей легче, чем видеть их предсмертные муки: «Клянусь тебе, Эл, они взглядом звали на помощь свою мать! Словно потерявшиеся дети». Однако между последней мыслью дедушки и его смертью не прошло и секунды.

³⁴ «Баракута» (*Baracuta*) – модель легкой куртки. Такую куртку носил Элвис Пресли, что сделало ее популярной в 1960-е годы.

³⁵ Крупная военно-десантная операция (The Bay of Pigs Invasion, 14–19 апреля 1961 года), имевшая целью свержение правительства Фиделя Кастро на Кубе. Готовилась с начала 1960 года, однако не только не имела успеха, но и привела к подрыву международного авторитета США.

³⁶ Намек на то, что Джон Кеннеди был самым богатым из всех президентов США: его отец нажил гигантское состояние на спекуляциях алкоголем во время «сухого закона».

Я победил Лейтнера, он замолчал. Только поставил между нами на табурет шахматную доску. Я воспользовался минуткой и спросил о его планах на выходные. Док засомневался, стоит ли отвечать пациенту на личные вопросы. Впрочем, молчание длилось недолго:

– Я купил себе «Харли» пятьдесят седьмого года – и собираюсь задать ему жару.

Я не верил своим ушам. Док понял, что произвел впечатление.

– А какая модель?

– XL Sportster³⁷.

– Какого цвета?

– Кремовый с золотым. Матовый. Объем двигателя – девятьсот кубических сантиметров.

Трансмиссия встроена в картер.

Он почувствовал, что я в шоке.

– Ты воодушевлен?

Я подумал и предложил другое определение:

– Заинтересован. Но не воодушевлен. Когда человек воодушевлен, что-то влияет на его эмоции, занимает его долгое время. А меня ничто не занимает долгое время. Я тяжеловес, быстро выдыхаюсь. Сейчас я рад обсудить с вами мотоцикл, но если бы дискуссия продолжалась, я бы устал и отвлекся. Понимаете?

– Да.

Тем не менее я рассказал ему о своих недавних приключениях с новым мотоциклом. И о мотоцикле, который отец перевез из Форта Харрисон³⁸ в Хелену еще до конца войны. Одноцилиндровый мотоцикл тридцать четвертого года. Я добавил, что хотел бы забрать старый мотоцикл, когда выйду из больницы, не говоря уж о новеньком, который постепенно покрывается плесенью в полицейском гараже. Я даже окончательно осмелел и спросил, не может ли док забрать мой мотоцикл, поскольку мне больше некого попросить. Он решил, что это неоднозначная просьба, но обещал подумать.

Мы долго обсуждали мотоциклы и дальние дали. Я признался, что мне не хватает и того, и другого; но самое грустное – обидное до слез – заключается в том, что взаперти, в больнице, мне лучше. Я рассказал о том, как в возрасте одиннадцати или двенадцати лет работал помощником кузнеца на ранчо в тридцати двух километрах от Хелены; мать меня заставила. Лошадиные копыта, как женские руки, многое говорят об их обладателе. Док тоже кое-что знал о лошадях: его дедушка держал нескольких для состязаний в коротких забегах на севере Калифорнии, рядом с Маунт-Шастой, – там, где я обменял машину-развалюху на прекрасный байк «Индиан».

Вслух я заметил, что у меня с доком много общего. Разумеется, док не убивал своих бабушку с дедушкой и не страдал психическим расстройством. Судя по обручальному кольцу, дома его ждала жена и, наверное, даже дети. Хотя в пятнадцать лет рано ставить на себе крест, я не сомневался в том, что семья мне не светит. Впрочем, об этом я Лейтнеру не сказал. Безнадежность и одиночество вздымались передо мной, как бурый медведь в лесу Аляски. Я не грустил. Во всяком случае, не больше, чем гомосексуалист, осознавший, что никогда не увидит влагалище: так уж сложилось – о чем сожалеть?

Мы стали играть в шахматы. Он объяснил мне правила игры. Но не только правила. Еще он уточнил, что между ходами принято брать паузу и размышлять столько, сколько хочется. Партия могла длиться час или неделю, без разницы. Во время пауз я рассказывал доку о своей жизни. Иногда он прерывал меня и вспоминал какую-нибудь историю, связанную с моей проблемой. В качестве доказательства своего доброго расположения, по крайней мере, на те несколько месяцев, которые продлится наша авантюра, Лейтнер обещал попробовать забрать

³⁷ XL Sportster – самая крупная модель мотоцикла «Харли-Дэвидсон», выпускаемая с 1957 года.

³⁸ Форт Харрисон (Fort Harrison) – тренировочный военный лагерь армии США. Эксплуатируется с 1911 года.

мой мотоцикл у полиции Орегона, если, конечно, мой отец об этом еще не позаботился. В результате кончилось тем, что через два месяца док с досадой объявил мне о продаже мотоцикла правовыми органами с целью покрытия некоторых расходов, связанных с моим делом.

18

– Вообрази себя романистом. Как бы ты рассказал свою историю?

По известной вам причине, я никогда не дочитывал романы до конца. Тем не менее некоторые я начинал из чистого любопытства, и, должен признаться, многие того не стоили. Я заметил, что американские авторы часто разворачивают сюжет, сперва обращаясь к истории своей семьи. Словно нельзя рассказать о дереве, не упомянув о корнях. Я спросил у Лейтнера, должен ли придерживаться хронологии. Он ответил категорично:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.